

РОЖДЕНЫ ПРАВИТЬ. ВОСПИТАНЫ ПРЕДАВАТЬ.

18+

ЗАМКИ
НА ИХ
КОСТЯХ

ЛОРА СЕБАСТЬЯН

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА «ПРИНЦЕССА ПЕПЛА»

Young Adult. Дочери звёзд

Лора Себастьян

Замки на их костях

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

Себастьян Л.

Замки на их костях / Л. Себастьян — «Эксмо», 2022 — (Young Adult. Дочери звёзд)

ISBN 978-5-04-165324-8

Рожденные под созвездием Трех Сестер, они пришли в этот мир, чтобы развязать войну... Однажды при помощи магии звезд на свет появились три принцессы. Софрония. Дафна. Беатрис. Три прекрасные девушки с невероятно сложной судьбой. Судьбой, которую они не выбирали. Ведь их мать – императрица Маргаро – решила все еще до их рождения. Когда им исполнилось шестнадцать, сестры покинули родной дом, чтобы выйти замуж за принцев других королевств. Красивые. Умные. Скромные. Идеальнее невест не бывает. Вот только женихи даже не подозревали, что на самом деле кроется за очарованием их возлюбленных. С самого детства принцесс обучали политике, боевым искусствам и мастерству обольщения. Вся свою жизнь они готовились к тому, чтобы настроить страны друг против друга и свергнуть их правителей. Коварство. Обман. Измена. В борьбе за власть императрица Маргаро готова пойти на все. Не надо недооценивать женщин. Это может стоить не только короны, но и жизни...

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-165324-8

© Себастьян Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Лора Себастьян	5
Дафна	6
Софрония	10
Беатрис	14
Дафна	17
Софрония	22
Беатрис	27
Дафна	32
Софрония	37
Беатрис	43
Дафна	46
Беатрис	49
Софрония	54
Дафна	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Лора Себастьян Замки на их костях

© Ускова К., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Моему брату Джерри.
Потому что, даже в ссоре, мы всегда
были вдвоем против всего мира.*

Говорят, что в день рождения принцесс звезды сияют ярче, но сами принцессы считают это чушью. Звезды выглядят так же, как и всегда. А в этом году, в ночь перед тем, как они трое оставят свой дом и друг друга впервые в своей жизни, все – включая звезды – будто стало, наоборот, мрачнее.

Когда стрелки часов приближаются к полуночи, по дворцу разносятся звуки веселья. Но принцессы покидают праздник. Пока Беатрис строит глазки официанту, Дафна выхватывает бутылку шампанского из ведерка со льдом, а Софрония внимательно следит за тем, чтобы их мать ничего не заметила. Они выполнили свой долг: пили и танцевали, пожимали руки и целовались в щеки, улыбались до тех пор, пока не устали. Теперь принцессы хотят провести последние несколько минут юности так же, как и когда пришли в этот мир шестнадцать лет назад: вместе.

Их покои почти не изменились с тех пор, как они переселились туда из детской. Это все те же три одинаковые белые комнаты, соединенные с общей гостиной. С теми же белыми кроватями с балдахинами, заваленными шелковыми подушками, теми же столами из березы и шкафами, украшенными золотым узором в виде виноградных лоз и цветов, и теми же расстеленными на полу плюшевыми розовыми коврами. В общей гостиной расположены мягкие бархатные кресла и большой мраморный камин с резьбой в виде звезд, расположенных так же, как и в день их рождения. В самом центре – луна из опала, а вокруг нее созвездия: Шипастая Роза, Голодный Ястреб, Одинокое Сердце, Корона Пламени и, конечно же, Три Сестры.

Ходят слухи, что императрица Маргаро поручила королевскому эмпирию¹, Найджелусу, использовать магию, чтобы они родились, и именно под знаком Трех Сестер. Но есть и те, кто считает это смешным – в конце концов, с чего ей хотеть родить трех девочек, когда единственный мальчик был бы намного полезнее?

Некоторые шепчутся, что Найджелус взял одну из звезд Трех Сестер, чтобы исполнить желание императрицы иметь детей, хотя ни одна из звезд не пропала. Но с тем, что она загадывала желание, согласны все. Как еще мог император вдруг зачать трех дочерей в возрасте семидесяти лет, когда его последняя жена и его бесчисленные любовницы ни разу не были беременны? А глаза принцесс не карие, как у матери, и не голубые, как у отца, а серебряные, словно звезды. Такие глаза украшают только тех, кто был зачат с помощью магии. Тех, у кого по венам течет звездная пыль.

¹ Эмпирей – здесь: тот, кто использует магию звезд для исполнения желаний.

Дафна

Сидя на ковре перед камином, Дафна не может не поглядывать на созвездия, пока поправляет раскинувшуюся, словно цветочные лепестки, юбку своего зеленого платья из органзы.

Младенцы, рожденные под Шипастой Розой, известны своей красотой.

Те, кто рожден под знаком Голодного Ястреба, амбициозны.

Дети Одинокого Сердца, как известно, более жертвенны, чем другие.

Корона Пламени приносит власть.

А Три Сестры дарят баланс и гармонию.

Конечно, есть и исключения. Дафна знает множество людей, рожденных под знаком Шипастой Розы, которые не выросли красивыми, и многих, рожденных под знаком Короны Пламени, но ставших и трубочистами или выращивающими капусту фермерами. Но все же тех, кто верит в предзнаменования звезд, больше, чем неверующих. Даже Дафна, подходящая ко всему с логикой, близко к сердцу принимает гороскопы, которые им каждый день читают за завтраком.

Пока она пытается открыть украденную бутылку шампанского стеклянной пилкой для ногтей, ее взгляд продолжает блуждать по каминной полке. После нескольких попыток бутылка с громким хлопком открывается, и Дафна вскрикивает от удивления. Пробка взлетает в воздух и ударяется о хрустальную люстру, заставляя кристаллы звенеть друг о друга. Холодное шампанское с шипением выливается на ковер и ей на платье.

– Осторожнее! – кричит Софрония, спеша за полотенцами в расположенную по соседству дамскую уборную.

Беатрис фыркает и подносит к горлышку бутылки три изящных хрустальных бокала, позволяя Дафне наполнить их почти до краев.

– Или что? – кричит она вслед Софронии. – Как будто мы пробудем здесь достаточно долго, чтобы нас могли наказать за испорченный ковер.

Софрония возвращается с полотенцем в руке и, нахмутив брови, все равно начинает вытирать пролитое шампанское.

Увидев ее выражение лица, Беатрис смягчается.

– Извини, Софи, – говорит она, прежде чем сделать глоток из бокала и передать остальные два своим сестрам. – Я не имела в виду...

Она замолкает, не зная сама, что именно имела в виду.

Софрония, похоже, тоже не знает, но, уронив мокрое полотенце на пол, опускается на диван рядом с Беатрис, и та, шелестя нежно-розовой тафтой своего платья с открытыми плечами, кладет руку ей на плечи.

Дафна смотрит на них сквозь свой бокал с шампанским, одним глотком выпивает половину, и ее взгляд падает на мокрое полотенце.

«К тому времени, как оно высохнет, – думает она, – мы покинем это место. И не увидим друг друга целый год».

Первая часть вполне сносна. Бессемия – их дом, но они всегда знали, что, достигнув совершеннолетия, уедут. Беатрис – на юг, в Селларию, Софрония – на запад, в Темарин, а Дафна – на север, до Фрива. Они готовились к своему предназначению столько, сколько Дафна себя помнит. Выйти замуж за принцев, с которыми они были обручены, и привести свои страны к войне друг против друга, позволив матери в конце подмести и собрать осколки, чтобы добавить их к своим владениям, словно новые драгоценности для короны.

Но это все только впереди. Дафна отбрасывает планы матери в сторону и сосредотачивается на сестрах. Если все пойдет по плану, она не увидит их еще год. За всю свою жизнь они не были порознь больше нескольких часов. Как они проведут друг без друга целый год?

Беатрис, должно быть, замечает, как дрожат губы Дафны, потому что драматично закатывает глаза – она делает так всегда, когда пытается не показывать своих эмоций.

– Подойди, – говорит Беатрис надламывающимся голосом и хлопает по дивану с другой стороны от себя.

Через мгновение Дафна встает с ковра, а затем изящно опускается на диван рядом с ней и роняет голову ей на плечо. Небесно-голубое платье Беатрис без бретелек выглядит ужасно неудобным: корсет врзается в кожу и оставляет заметные красные отпечатки. Но Беатрис, похоже, этого не замечает.

Дафна задается вопросом, специально ли Беатрис скрывает свои чувства. Ее этому обучали во время тренировок с дворцовыми куртизанками – по словам их матери, это было необходимо, чтобы Трис могла достичь в Селларии той цели, которую перед ней поставили. А может, ее сестра просто такая: она всего на две минуты старше, но ей всегда удается выглядеть как женщине, в то время как Дафна по-прежнему чувствует себя ребенком.

– Вы волнуетесь? – спрашивает Софрония, делая аккуратные глотки из своего бокала.

Несмотря на то, что они тройняшки, Софрония переносит алкоголь хуже, чем ее сестры. Полбокала шампанского для нее – это два полных бокала для Дафны и Беатрис. Дафна думает о том, что хорошо бы кто-то из помощников Софронии в Темарине знал об этом. И надеется, что там за ней будут присматривать, так как Дафна и Беатрис не смогут.

Беатрис фыркает.

– Что, черт возьми, может меня волновать? Сейчас мне кажется, что я смогу соблазнить лорда Савеля даже во сне.

Лорд Савель – первая часть великого плана императрицы. Как посол Темарина в Селларии, он отвечал за поддержание мира между странами в течение последних двадцати лет, и за последние столетия это был самый долгий мирный период. Скомпрометировав его, Беатрис разожжет конфликт и подкинет в огонь несколько поленьев.

– Селлария сама по себе заставила бы меня понервничать, – признает Софрония, дрожа. – Ни эмпиреев, ни звездной пыли, ни магии. Я слышала, что король Чезаре приказал сжечь человека заживо, потому что посчитал его виновником засухи.

Беатрис только пожимает плечами.

– Что ж, я к этому готовилась, – говорит она. – А паранойя короля лишь упростит разжигание войны. Так что я справлюсь быстрее вас.

– Я делаю ставку на Софи, – задумчиво говорит Дафна, потягивая шампанское. – Она единственная из нас выходит замуж за короля, а не за простого принца, и я уверена, что Леопольд объявит войну Селларии, стоит ей лишь взмахнуть ресницами и попросить его об этом.

За этими словами, хоть и сказанными в шутку, следует неловкое молчание. Щеки Софронии становятся ярко-красными, и она отводит взгляд, а Беатрис неодобрительно смотрит на Дафну. Дафне кажется, что она чего-то не понимает, и это происходит уже не в первый раз. Они все близки, но Беатрис и Софрония всегда были друг другу немного ближе. Впрочем, Дафне от этого только лучше – в конце концов, у нее всегда была особая связь с матерью.

«Беатрис – самая красивая из вас, и ей не составит труда покорить сердца жителей Селларии. Софрония – самая добрая, и она с легкостью преуспеет в Темарине», – сказала императрица Дафне накануне, и ее голос походил на голос генерала, отправляющего войска в бой. От этих слов Дафна поникла, но затем ее мать наклонилась к ней и, благословляя редкой улыбкой, прижала прохладную ладонь к щеке дочери. *«Но ты, дорогая, – мое самое опасное оружие, поэтому нужна мне во Фриве. Бессемии необходимо, чтобы ты оказалась там. Если собираешься однажды занять мое место, то должна доказать, что достойна этого».*

Внутри Дафны борются стыд и гордость, и она делает еще один глоток шампанского, надеясь, что сестры ничего не замечают. Она думает о том, что не может винить их в скрытности: у нее тоже есть свои секреты.

Головой она понимает, что мама была права, когда просила не рассказывать им об этом разговоре. Она никогда не упоминала о том, что сделает одну из них своей наследницей, и новость о том, что это будет Дафна, лишь разожжет ревность. Дафна этого не хочет. Особенно сегодня.

Она вздыхает и еще глубже погружается в мягкую спинку дивана.

– По крайней мере, ваши женихи здоровы и хороши собой. Один из фривийских шпионов говорил, что от многочисленных процедур с пиявками кожа принца Киллиана покрылась струпьями. А другой сказал, что он вряд ли проживет еще месяц.

– Месяца достаточно, чтобы выйти за него замуж, – отмечает Беатрис. – Во всяком случае, это должно значительно облегчить тебе работу. Я не могу себе представить, что он встанет у тебя на пути. А Фрив молодая страна, так что будет легко воспользоваться хаосом, последующим за смертью единственного наследника престола. Может, ты вернешься домой раньше всех нас.

– Надеюсь, – говорит Дафна. – Но я до сих пор не могу смириться, что застряну в холодном, убогом Фриве, пока ты будешь отдыхать на солнечных пляжах Селларии, а Софи – танцевать на легендарных темаринских вечеринках.

– Но мы ведь не собираемся лежать на пляжах или веселиться на вечеринках, не так ли? – напоминает ей Софрония, но Дафна отмахивается от этих слов.

– Что ж, это все еще лучшее окружение, чем снег, серое небо и опять снег, – ворчит она.

– Не драматизируй, – говорит Беатрис, закатывая глаза. – В конце концов, у тебя самое простое задание из всех. Что ты должна делать? Украсть королевскую печать? Подделать несколько документов? Признайся, Даф.

Дафна качает головой.

– Ты знаешь маму – я уверена, что все не так просто.

– Стой, – прерывает Софрония ломающимся голосом. – Я не хочу больше об этом говорить. У нас день рождения. Разве мы не должны хотя бы сегодня говорить о нас, а не о ней?

Дафна и Беатрис обмениваются задумчивыми взглядами, и Беатрис говорит первой:

– Конечно, Софи. Может, тост?

Софрония мгновение обдумывает это, а затем поднимает бокал:

– За семнадцать лет.

Дафна смеется:

– О, Соф, ты уже напилась? Нам шестнадцать.

Софрония пожимает плечами:

– Я это знаю. Но в шестнадцать мы должны попрощаться, а вернемся сюда к семнадцати.

И снова будем вместе.

– Тогда за семнадцать, – повторяет Беатрис, поднимая свой бокал.

– За семнадцать, – добавляет Дафна, чокаясь с ними бокалами, прежде чем они втроем проглатывают остатки шампанского.

Софрония откидывается на подушки дивана и, явно довольная, закрывает глаза. Беатрис берет ее пустой бокал и ставит его на пол рядом со своим, тоже откидывается назад и смотрит на сводчатый потолок, где сверкающим золотом на темно-синем фоне вырисовываются кружащиеся звезды.

– Как всегда говорит мама, – бормочет Беатрис, – мы три звезды одного созвездия. Расстояние этого не изменит.

Для Беатрис такая эмоциональность в новинку, но Дафна и сама немного расчувствовалась, поэтому сворачивается калачиком рядом со своими сестрами и обнимает их за талию.

Высокие комнатные часы с мраморным циферблатом с громким звоном отбивают полночь, и этот звук эхом отражается у Дафны в ушах. Она выбрасывает слова матери из головы и крепче обнимает сестер.

– С днем рождения, – говорит она, по очереди целуя каждую из них в щеку, оставляя после себя следы бледно-розовой помады.

– С днем рождения, – отвечают они ей тихими от усталости голосами. Через несколько секунд они обе засыпают, и их тихое ровное дыхание наполняет воздух. Но Дафна, как ни старается, не может присоединиться к ним. Сон не захватывает ее до тех пор, пока в окно не заглядывает первый луч рассветного солнца.

Софрония

Софронии нельзя плакать, только не в присутствии императрицы, не в карете по дороге в центр Бессемии, в место, где она и ее сестры в последний раз попрощаются. Слезы подступают к глазам, заставляют горло гореть, но она сдерживает их, зная, что на нее направлен взгляд матери, всегда жаждущей найти недостатки – в Софронии, кажется, больше, чем в Дафне или Беатрис.

«Слезы – это оружие, – любит говорить императрица Маргаро, поджимая пухлые накрашенные губы. – Но те, что льются передо мной, потрачены зря».

Софрония не собирается использовать свои слезы как оружие, но не может сдержать захлестнувший ее поток эмоций. Она заставляет себя сохранять самообладание, помня о том, что ее мать сидит напротив, такая молчаливая, стойкая и сильная, какой Софрония не смогла стать, сколько бы ни училась.

Карета подпрыгивает на кочке, и Софрония использует этот момент, чтобы вытереть успевшую пролиться слезу.

– У вас есть задания, – говорит их мать, нарушая тишину. Она кажется бесстрашной, почти скучающей, как будто едет на отдых в загородный дом, а не прощается со всеми тремя своими детьми сразу. – Я ожидаю новостей по мере вашего продвижения.

– Да, мама, – говорит Дафна.

Когда Дафна с матерью сидят вот так, бок о бок, невозможно отрицать имеющееся между ними сходство. Это нечто большее, чем чернильно-темные кудри, обрамляющие их лица в форме сердца. Больше, чем глаза с длинными ресницами: у Дафны они звездно-серебряные, как и у Софронии с Беатрис, а глаза их матери напоминают расплавленный янтарь. Больше, чем веснушки, танцующие над сводами их острых скул и вздернутыми носами. Это то, как они сидят: спина прямая, ноги скрещены в щиколотках, руки сложены на коленях. Это в линиях их поджатых губ и опущенных уголках рта.

Но, когда Дафна улыбается, в ней есть тепло, которого Софрония никогда не видела в их матери.

Эта мысль заставляет ее сердце болеть, и она отводит взгляд от Дафны, вместо этого сосредотачиваясь на бархатной подушке сиденья за плечом сестры.

– Да, мама, – повторяет она, надеясь, что ее голос прозвучит так же, как у Дафны – ровно и уверенно. Но, конечно, это не так. Конечно, она колеблется.

Глаза ее матери сужаются, и она открывает рот, готовясь к выговору, но Беатрис опережает ее. Когда она, как и всегда, бросается между Софронией и императрицей, на ее пухлых губах сияет холодная улыбка.

– А если мы будем заняты? – спрашивает она, поднимая брови. – Судя по тому, что я слышала, жизнь молодоженов может быть достаточно... занятой.

Их мать отводит взгляд от Софронии, вместо этого переключаясь на Беатрис.

– Прибереги это для Селлари, Беатрис, – говорит она. – Вы будете присылать новости о своих успехах, закодирав их так, как вас учили.

При этих словах Беатрис и Дафна морщатся, но только не Софрония. Ей шифры давались намного легче. Как бы ни любила сестер, она не может отрицать, что трепещет от удовольствия, когда у нее легко получается то, что дается им с большим трудом. Тем более что Софрония мало в чем преуспела. Ей не хватает мастерства Беатрис во флирте и маскировке, она не может сравниться с Дафной в обращении с ядами или отмычками, но может в два раза быстрее разгадать шифр и почти так же быстро создать его сама. И, хотя все они получали уроки по экономике, Софрония была единственной, кому действительно нравилось изучать налоговое право и просматривать счета.

– И я надеюсь, мне не нужно напоминать вам о том, что ваша жизнь в качестве молодоженов – просто игра? – спрашивает императрица, и ее взгляд так яростно упирается в Софронию, что кожа девушки начинает чесаться.

Щеки Софронии горят, она чувствует, как сестры смотрят на нее, и в их взгляде читается смесь жалости и сочувствия. В случае Дафны это еще и доля замешательства. Софрония не рассказала ей о разговоре, с которым мать отвела ее в сторону неделю назад, о холоде в ее глазах, когда она без всяких предисловий спросила дочь, есть ли у нее чувства к королю Леопольду.

Софронии показалось, что она звучала уверенно и искренне, ответив «нет», но ее мать все равно почувствовала ложь.

«Я не могла воспитать тебя настолько глупой, чтобы ты решила, что влюблена, – говорит она, передавая Софронии стопку документов. Это были отчеты их шпионов из Темарина. – Это не любовь. Ты его даже не знаешь. Он наш враг, и ты больше этого не забудешь».

Софрония сглатывает и отодвигает эти мысли в сторону, а вместе с ними и воспоминания о том, что было в документах.

– Нет, нам не нужны напоминания, – отвечает она.

– Хорошо, – говорит императрица, затем ее взгляд падает на Беатрис и становится еще более хмурым. – Мы почти приехали, поправь глаза.

Беатрис хмурится и тянется к изумрудному кольцу на правой руке:

– Знаешь, они от этого чешутся. – Она прокручивает изумруд и поднимает кольцо сначала над одним глазом, затем над другим, позволяя зеленой капле упасть с кольца в каждый из них. Беатрис пару раз моргает, и, когда снова опускает голову, видно, что ее глаза из серебряных, как у Софронии и Дафны, стали ярко-зелеными.

– Уверю тебя, это не столь неудобно, как если бы селларианцы увидели твои тронутые звездами глаза, – отмечает императрица.

Беатрис снова хмурится, но не возражает. Как и Софрония, она знает, что их мать права. В Бессемии глаза, которых коснулись звезды, встречаются довольно редко – у детей, родители которых использовали для зачатия звездную пыль. Они не единственные члены королевской семьи с серебряными глазами, многие родословные продолжают только благодаря достаточному количеству звездной пыли и иногда помощи эмпирея. Но в Селларии магия вне закона, и есть множество историй о селларианских детях, убитых из-за того, что у них были серебряные глаза. И Софрония задается вопросом, сколько из них просто родились с серыми глазами.

Карета останавливается, и одного взгляда за окно достаточно, чтобы понять, что они прибыли в пункт назначения – на поляну в центре леса Немария. Однако их мать остается на месте и медленно переводит взгляд с одной сестры на другую.

При ближайшем рассмотрении Софронии кажется, что в выражении лица матери она заметила нотку печали. Немного сожаления. Но уже через секунду оно исчезает, прячась за маской льда и стали.

– Теперь вы останетесь сами по себе, – тихо говорит императрица. – Меня не будет рядом, чтобы указать путь. Но вы всему научены, голубки мои. Вы знаете, что делать, знаете, кого атаковать, знаете их слабые места. Через год мы будем управлять каждым дюймо́м этого континента, и никто не сможет отобрать его у нас.

Как всегда, Софрония чувствует, что при упоминании о таком будущем ее сердце бьется чаще. Как бы ни боялась следующего года, она знает, что в конце концов оно того стоит – скоро весь континент Вестерия будет принадлежать им.

– У меня есть для вас еще кое-что, – продолжает их мать. Она залезает в карман платья, вытаскивает три маленьких зашнурованных мешочка из красного бархата и передает по одному каждой дочери.

Софрония открывает свой мешочек и достает содержимое себе на ладонь. По ее пальцам скользит холодная серебряная цепочка, с которой свисает один-единственный бриллиант размером меньше ногтя на мизинце. Быстрый взгляд подтверждает, что в руках у ее сестер точно такие же.

– Мама, это слегка не в твоем вкусе, – замечает Беатрис, поджав губы.

Это правда, их мать имеет склонность к более ярким украшениям: тяжелое золото, драгоценные камни размером с мячи для крокета, которые просто кричат о своей огромной цене.

Подумав об этом, Софрония все понимает:

– Ты хочешь, чтобы они остались незамеченными, – она смотрит на императрицу. – Но почему? Это всего лишь бриллиант.

При этих словах спокойные губы ее матери изгибаются в натянутой улыбке.

– Потому что это не бриллианты, голубки мои, – говорит она, берясь за запястье Дафны и застегивая цепочку браслета. – Я заказала их у Найджелуса. Если решите их использовать, делайте это с умом.

При упоминании Найджелуса Софрония украдкой переглядывается со своими сестрами. Ближайший советник их матери и королевский эмпирей всегда был чем-то вроде загадки, даже несмотря на то, что регулярно появлялся в их жизни с самого рождения.

Он был достаточно добр к ним, хоть и немного холоден, и никогда не давал им повода не доверять ему. Не только они его опасаются – весь двор недолюбливает его. Но все слишком сильно боятся их с императрицей, чтобы делать что-то большее, чем просто перешептываться.

Софрония может пересчитать всех эмпиреев на континенте на пальцах обеих рук. За исключением Селларии, их нанимает каждая королевская семья, и лишь немногие кочуют, ведомые своей природой или необходимостью обучиться. Хотя способность снимать с неба звезды у них от рождения, этот дар требует тщательного изучения. Нетренированные эмпиреи считаются опасными, потому что они якобы могут случайно сбить звезду и исполнить свое желание, просто произнеся его вслух. При жизни Софронии в Бессемии не родилось ни одного эмпирея.

– Звездная пыль? – насмешливо спрашивает Беатрис. – Честно говоря, я немного разочарована. За пару сотен астр я могла бы найти такой флакон у любого торговца в городе.

Беатрис – единственная из них, кто так разговаривает с матерью, и каждый раз, когда она это делает, Софронию пронизывает волна страха, хотя на этот раз она вынуждена согласиться. Звездная пыль не то чтобы редкость. Каждый раз, когда в Вестерии случается звездный дождь, жнецы прочесывают местность, собирая оставшиеся лужи звездной пыли, и фунтами приносят ее торговцам, которые собирают пыль в бутылки и продают вместе со своими драгоценностями и шелками. Щепотки хватает для одного-единственного желания. И пусть в ней недостаточно силы, чтобы сделать что-то большее, чем исцелить сломанную кость или убрать прыщ, но и это ценно. Звездную пыль можно найти в инвентаре любого достойного торговца за пределами Селларии, где не бывает звездных дождей. Согласно селларийским преданиям, звездная пыль – это не подарок звезд, а проклятие, и даже просто обладание ею – уже преступление. Жители Селларии считают отсутствие звездного дождя наградой за их благочестие и знаком того, что звезды улыбаются королевству. Но Софрония задается вопросом, не обстоит ли все наоборот. Может, эти предания служат бальзамом, убеждая жителей в том, что жизнь без магии, к которой у них нет прямого доступа, лучше.

Императрица только улыбается.

– Не звездная пыль, – говорит она. – Желание. От Найджелуса.

При этих словах даже Беатрис замолкает и смотрит на свой браслет со смесью трепета и страха. Софрония поступает так же. Хоть звездная пыль довольно обычная роскошь, желание от эмпирея – совсем другое дело. Обычно они загадываются лично, когда эмпирей произносит свое желание звезде и с помощью магии снимает ее с неба. Загаданные таким образом жела-

ния сильнее, чем магия звездной пыли, но звезд в небе не так уж много, поэтому их следует использовать только в самых крайних случаях. Насколько Софронии известно, в последний раз Найджелус загадывал желание звезде, чтобы положить конец засухе в Бессемии, которая длилась несколько месяцев. Его поступок, несомненно, спас тысячи жизней и предотвратил резкое падение экономики Бессемии, но многие считали, что цена слишком высока. Софрония все еще помнит то место на небе, где когда-то горела та звезда, часть созвездия Затуманенного Солнца, свидетельствующая об изменении погоды. Софрония задается вопросом, в каких созвездиях теперь не хватает звезд из-за создания этих безделушек.

– И оно в камне? – спрашивает Беатрис с долей скепсиса.

– Именно так, – отвечает их мать, все еще улыбаясь. – И немного алхимии, которую придумал Найджелус. Таких в мире всего три. Все, что вам нужно сделать, это разбить камень и загадать желание. Это сильная магия, достаточно сильная, чтобы спасти жизнь. Но учтите, их следует использовать только в том случае, когда у вас нет других вариантов.

Беатрис помогает Софронии застегнуть браслет на запястье, и Софрония возвращает ей услугу. После этого императрица смотрит на каждую из них и в последний раз кивает.

– Пойдемте, голубки мои, – говорит она, распахивая дверцу кареты и впуская яркий утренний солнечный свет. – Пора летать.

Беатрис

Когда Беатрис выходит из кареты, ей приходится шуриться, потому что солнечный свет ослепляет ее и заставляет глаза зудеть еще больше. Аптекарь, который сделал ей глазные капли, сказал, что она привыкнет к этим ощущениям, но она уже несколько раз практиковалась в их использовании и не уверена, что когда-нибудь это действительно случится. Но, как бы ей ни хотелось это признавать, мама права – это необходимое неудобство.

Когда ее глаза привыкают, она видит три одинаковых экипажа с открытым верхом, которые, должно быть, выехали из дворца раньше них. Все они выкрашены в синий и золотой – цвета Бессемии, – и каждый запряжен парой безукоризненно белых лошадей с лентами в гривах и хвостах. Возле каждого экипажа стоит по небольшой шелковой палатке. Одна зеленая – цвета Фрива, вторая – золотая темаринская, и еще одна – алая селларианская. И у каждой по бокам стоит пара одетых в тон стражников.

Сопровождающая их бессемианская делегация окружает карету, и Беатрис замечает несколько знакомых лиц, в том числе Найджелуса с его холодными серебряными глазами и длинной черной мантией. Даже под жарким полуденным солнцем на его алебастровом лбу не видно и капельки пота. Он должен быть, по крайней мере, ровесником ее матери, но по возрасту больше похож на Беатрис и ее сестер.

Каждую палатку окружает группа хорошо одетых мужчин и женщин, но их лица сливаются воедино – делегации знати, присланные из каждой страны для сопровождения. Делегация из Селларии, безусловно, самая заметная, одетая в яркие цвета, некоторым из которых Беатрис даже не может придумать названия. Они выглядят достаточно дружелюбно, у всех на лицах широкие сияющие улыбки, но Беатрис лучше всех знает, что внешность может вводить в заблуждение.

Неважно, сколько раз она слышала, как ее мать обсуждает официальную передачу принцесс, внутри все еще не чувствует себя подготовленной, но старается не показывать свои переживания и вместо этого выпрямляет спину и высоко поднимает голову.

Мать в последний раз целует каждую из дочерей в щеку. Когда приходит очередь Беатрис, девушка ощущает на коже лишь прикосновение тонких холодных губ, и на этом все. Ни сентиментальности, ни напутствий, ни признаний в любви. Беатрис знает, что иного не стоило и ожидать. Она говорит себе, что ей ничего такого и не нужно, но обнаруживает, что это до сих пор пронесит боль. Мать удаляется от них, оставляя трех сестер в центре поляны, в прямом и в переносном смысле пойманных между мирами.

Дафна делает первый шаг – как и всегда, сколько Беатрис себя помнит, – и с расправленными плечами и взглядом, устремленным вперед, идет к палатке Фрива. Она изо всех сил пытается повторять холодность их матери, но не может удержаться от взгляда в сторону сестер, и в этот момент Беатрис видит в ее глазах неуверенность. В эту секунду она задается вопросом, что произойдет, если Дафна скажет «нет», если откажется войти в палатку, если послушается их матери. Но конечно нет. Дафна скорее поймает падающую звезду голыми руками, чем пойдет против воли императрицы. Подарив последнюю легкую улыбку Беатрис и Софронии, Дафна заходит в палатку и исчезает из поля зрения.

Беатрис смотрит на Софронию, которая, в отличие от Дафны, никогда не могла скрыть свой страх.

– Давай, – говорит ей Беатрис, – пойдем вместе.

«*Вместе до конца*», – думает она, но не произносит эту часть вслух. Они следуют примеру Дафны, и, прежде чем исчезнуть в своих палатках, Беатрис в последний раз улыбается Софронии, но дрожащие губы сестры не могут ответить ей тем же.

Она надеется, что Софрония не заплачет перед темаринцами, ведь их первое впечатление о ней не должно быть таким, а их мать всегда подчеркивала важность хорошего первого впечатления.

Как только Беатрис входит в освещенную свечами палатку, ее окружает армия женщин, быстро говорящих на селларианском языке. Хотя Беатрис свободно на нем говорит, их речь такая быстрая и наполнена такими разными акцентами, что ей приходится внимательно слушать, чтобы понять, что они говорят.

– Бессемианская мода, – насмешливо говорит одна женщина, одергивая пышную кружевную бледно-желтую юбку платья Беатрис. – Тьфу, прямо ромашка какая-то.

Прежде чем Беатрис успевает возразить, вмешивается другая женщина, щипая ее за щеки:

– Здесь тоже нет цвета. Она как фарфоровая кукла без краски, плоская и невзрачная.

Невзрачная. Это больно жалит. В конце концов, кто она, если не красавица? Это единственное ее достоинство. Дафна – очаровательная, Софрония – умная, а Беатрис – красивая. Какая у нее ценность без этого? Но у селларианцев другие стандарты: громкая, драматичная и чрезмерная красота. Так что Беатрис прикусывает язык и позволяет тыкать, подталкивать и обсуждать ее, не говоря ни слова. Она позволяет им стянуть ее платье через голову и бросить его на пол, как старую тряпку, позволяет им расстегнуть корсет и снять сорочку, оставляя ее обнаженной и дрожащей на холодном осеннем воздухе.

Но, по крайней мере, сейчас ехидные замечания утихают. Она чувствует на себе их оценивающие взгляды.

– Что ж, – произносит первая женщина, поджав губы, – по крайней мере, мы знаем, что она ест. У некоторых из этих бессемианок совсем нет мягкости, ни груди, ни бедер, вообще ничего. Тут мне хотя бы не придется шить одежду на скелет.

Она натягивает через голову Беатрис новую рубашку и зашнуровывает поверх новый корсет. В то время как ее бессемианский корсет был затянут так туго, что она едва могла в нем дышать, этот более свободный. Кажется, он создан для того, чтобы подчеркнуть ее грудь и бедра, а не сделать их меньше.

Затем следует нижняя юбка, более объемная, чем любая из тех, что Беатрис носила раньше, даже на официальном балу. Она настолько широкая, что в ней будет сложно пройти через двери, не говоря уже о карете, но, по крайней мере, материал легкий. Даже сквозь все эти слои Беатрис кожей чувствует прохладу и шелест ветра, дующего через палатку.

Наконец, само платье. Оно из рубиново-красного с золотом шелкового дамаста², с низким вырезом и широкими плечами, и обнажает больше кожи, чем кто-либо в Бессемии осмелился бы до захода солнца. Без зеркала трудно сказать, как оно выглядит, но женщина, отвечающая за ее одежду, одобрительно кивает, а затем уступает свое место другой женщине, которая, кажется, отвечает за косметику.

После этого идет поток кистей и красок, волосы, стянутые, завитые и собранные в пучок, металлические гребни, скребущие кожу головы и оставляющие царапины. Ее глаза, щеки и губы покрывают краской и пудрой. Это утомительно, но Беатрис знает, что лучше не жаловаться и даже не вздрагивать. Она научилась оставаться совершенно неподвижной – живая, дышащая кукла.

Наконец, швея и парикмахер помогают ей надеть туфли на каблуке, сделанные из того же материала, что и платье.

– Она довольно мила, не так ли? – говорит женщина, отвечающая за косметику, глядя на Беатрис, слегка наклонив голову.

Швея кивает:

² Дамаст – ткань с рисунком из блестящих атласных нитей на матовом фоне полотна.

– Принц Паскаль должен быть очень счастлив со своей невестой.

– Не то чтобы он был очень доволен, – фыркает парикмахер.

Беатрис улыбается и делает легкий реверанс.

– Большое спасибо за всю вашу тяжелую работу, – произносит она, к удивлению при-
слуги, на безупречном селларианском без акцента. – Мне не терпится увидеть Селларию.

Первой, взволнованная и покрасневшая, заговаривает парикмахер.

– П-прошу прощения, В-ваше Высочество, – заикается она. – Я не хотела выказать неува-
жения ни к вам, ни к принцу...

Беатрис отмахивается от этих слов. Ее мать всегда подчеркивала, как важна любовь при-
слуги. В конце концов, они те, кто знает больше всего. И в комментарии о Паскале нет ничего,
что бы она еще не слышала от шпионов своей матери, которые описали его как угрюмого,
замкнутого мальчика.

– Так, куда теперь?

Швея спешит приоткрыть полог палатки, чтобы Беатрис снова вышла на яркий солнеч-
ный свет. Она видит, что выходит последней: ее сестры уже сидят в своих экипажах, и каждая
окружена делегацией заискивающих придворных.

Обе выглядят чужими.

Софрония напоминает искусно изготовленную выпечку, утопающую в море украшенных
драгоценностями шифоновых оборок в оттенках лимонно-желтого, ее светлые волосы завиты
и собраны в высокую прическу, украшенную всевозможными бантами и драгоценностями.
Дафна же одета в зеленое бархатное платье, которое можно было бы назвать простым только по
сравнению с платьями сестер: с длинными узкими рукавами, открытыми плечами и нежными
цветами, вышитыми на лифе мерцающими черными нитками; ее черные волосы, заплетенные
за спиной в косу, подчеркивают точеную фигуру.

Они обе выглядят красиво, но при этом уже совершенно по-разному. Через год они могут
стать совсем чужими. От этой мысли Беатрис тошнит, но она старается не показывать этого.
Вместо этого она осторожно идет к своей карете, следя за тем, чтобы каблуки ее туфель не
врезались в землю и она не споткнулась. Стражник помогает ей сесть в экипаж, и она усажи-
вается в пустое пространство между двумя женщинами селларианками с одинаковыми крас-
ными напояженными ртами.

Женщины тут же наперебой начинают произносить ей комплименты в высокомерном
бессемианском стиле.

– Спасибо, – к их облегчению отвечает Беатрис на селларианском, но не слушает их
последующую болтовню.

Вместо этого она наблюдает за своими сестрами. Ее кучер приводит лошадей в движение,
и экипаж дергается вперед, направляясь на юг, но Беатрис не спускает с сестер глаз, пока обе
не исчезают из поля зрения.

Дафна

Дафна думала, что сможет увидеть тот момент, когда она покинет страну своего рождения. Она представляла себе место, где плодородная почва, покрытая зеленой травой и цветами, заканчивается и уступает место твердой коричневой земле и снегу – типичному ландшафту Фрива. Ей казалось, что она почувствует это в воздухе, выдохнет ароматный свежий воздух Бессемии и вдохнет холодный мертвый воздух Фрива.

Вместо этого изменение происходит постепенно в течение всего трехдневного путешествия на север. Плоская земля превращается в холмы, которые постепенно лысеют, деревья вокруг становятся высокими и голыми, а их ветви тянутся к небу, которое кажется немного более серым каждый раз, когда она моргает. В каждой гостинице, в которой они останавливаются, акцент трактирщика и других посетителей становится все резче и резче, хотя они по-прежнему говорят по-бессемиански.

Сегодня они доберутся до границы, и пути назад действительно не будет.

«*Это ошибка*», – думает Дафна, наблюдая, как мир вокруг меняется и превращается во что-то неузнаваемое и темное. Она хочет вернуться домой, во дворец, где сделала свои первые шаги. Хочет вернуться к матери и чувствовать себя в ее тени в безопасности и комфорте. Она хочет обнять своих сестер и почувствовать, как их сердца бьются, словно единое целое, как и должно было быть всегда.

Тоска настолько сильна, что ее горло сжимается под кружевами ее нового платья с высоким воротником, и кажется, что она задыхается. На секунду Дафна позволяет себе представить, каково было бы разорвать этот жесткий бархат под ее пальцами: материал приятно треснет, и она сможет свободно дышать, а кожа ее горла больше не будет зудеть и гореть. Она уже скучает по своим бесформенным светлым детским платьям, по тому, как она всегда могла увидеть себя в Софронии и Беатрис, смотреть на те же черты, словно отраженные от граней бриллианта.

Она старается не думать о своих сестрах таких, какими видела их в последний раз: незнакомки со странными лицами, разукрашенные и затянутые в корсеты, которых со всех сторон щипали и тыкали. Ей даже пришлось прищуриться, чтобы разглядеть их.

– С вами все в порядке? – спрашивает ее сидящая рядом спутница. Леди Клиона, дочь лорда Панлингтона.

Дафна полагает, что король послал ее, рассчитывая на благодарность за то, что может спокойно путешествовать с кем-то ее возраста, а не с суровой матроной с подозрительным взглядом и поджатыми губами.

Она вспоминает все, что знает о лорде Панлингтоне, бывшем главе клана Панлингтон, существовавшего еще до того, как закончилась Война кланов и Варфоломей стал королем объединенного Фрива. Панлингтон был грозным военачальником и одним из последних глав клана, присягнувшим на верность, хотя после окончания войны стал одним из самых верных подданных Варфоломея. Некоторые шпионы даже использовали термин «друг».

О леди Клионе она знает значительно меньше. Только то, что она его единственная дочь, хотя у него есть еще пятеро сыновей. Говорят, что Клиона его любимица. Шпионы сказали, что она крайне упряма, смела и безнадежно избалована. Они прямо не говорили, что она красива, но было упомянуто о шести предложениях руки и сердца, отклоненных за последний год с тех пор, как ей исполнилось шестнадцать, так что Дафна сделала выводы.

Теперь, сидя напротив нее, Дафна с удивлением обнаруживает, что она не выглядит как традиционная красавица – по крайней мере, по бессемианским стандартам. На ее лице больше веснушек, чем чистой кожи, а медные буйные волосы едва сдерживаются в пучке. Черты ее лица слишком резкие, что придает ей строгость, из-за чего она выглядит старше семнадцати лет. Но за последние три дня Дафна поняла, что у нее тонкий, проницательный ум, и она

видела, как та за считанные секунды брала в оборот кого угодно, от возницы до трактирщиков и стражников.

Дафна решает, что Клиона ей нравится – или, по крайней мере, девушке, которой она притворяется.

– Я в порядке, – говорит ей Дафна, заставляя себя улыбнуться. – Думаю, это просто нервы, – осторожно продолжает она. – Мы с принцем Киллианом обменялись всего несколькими письмами за эти годы, и я ничего о нем не знаю. Вы его когда-нибудь встречали?

На мгновение Клиона меняется в лице, слишком мимолетно, чтобы понять, что это было, но Дафна все замечает.

– Да, конечно, – кивает Клиона. – Мы вместе выросли при дворе. Он очень добрый и очень красивый. Я уверена, он будет тебя обожать.

Дафна пытается изобразить облегчение, но она знает, что это неправда – не вся правда. Принц Киллиан умирает, и, кажется, об этом знают все. В последнем отчете шпионов говорилось, что он не вставал с постели уже три месяца, и с каждым днем ему становится все хуже. Он просто должен прожить достаточно долго, чтобы жениться на ней, напоминает она себе, хотя тихий голос в голове упрекает ее за бессердечие, и это ужасно похоже на Софронию.

– А остальная часть Фрива? – спрашивает Дафна. – Я слышала, что это все еще... беспокойная страна. Как они относятся к иностранной принцессе, которая станет их следующей королевой?

И снова этот взгляд, мимолетный проблеск широко раскрытых глаз и поджатых губ. Дафна понимает, что этот взгляд Клионы появляется прямо перед тем, как она решает солгать.

– Я уверена, что они тоже будут обожать вас, Ваше Высочество, – говорит леди Клиона с яркой улыбкой. – Почему должно быть иначе?

Дафна откидывается на сиденье кареты и оглядывает свою новую спутницу:

– Вы не очень хорошая лгунья, леди Клиона.

Клиона замирает, а затем робко улыбается.

– Когда я была ребенком, моя мать говорила, что звезды благословили меня честным языком, но в наши дни это больше похоже на проклятие, – признается она.

Дафна смеется.

– Неужели Фрив настолько полон лжецов, что вам мешает правда? – спрашивает она, поднимая брови.

Клиона тоже смеется, качая головой:

– А кому об этом судить?

Еще несколько часов они едут в коротких разговорах и молчании, пока солнце не встает высоко над их головами и карета не останавливается у широкой стремительной реки. Ее звук настолько громкий, что Дафна слышит его еще до того, как открывается дверь кареты. На другом берегу реки собралось множество экипажей, все они выкрашены в темно-серый цвет, за исключением одного – ярко-зеленого с золотыми и черными вставками и запряженного двумя иссиня-черными лошадьми, такими большими, каких Дафна никогда не видела.

Она понимает, что именно здесь Бессемия встречается с Фривом – это река Тенал, отмечающая границу. Через нее проходит много и пешеходных, и широких мостов, которые являются частью торговых путей, но здесь ни одного моста не видно.

– Традиция требует, чтобы вы вошли во Фрив пешком, – говорит Клиона, видя озадаченное выражение лица Дафны.

– Пешком, – повторяет она, хмурясь. – Вы имеете в виду, через воду?

Когда Клиона кивает, Дафна не может не сопротивляться.

– Но будет очень холодно, и я не смогу удержать равновесие.

– Кое-кто позаботится, чтобы вы не упали, – говорит Клиона, снисходительно махнув рукой и пробегая взглядом по берегу реки. – Видите? Вот и Байр.

– Байр? – спрашивает Дафна, смущенная и немного встревоженная. Она выглядывает из кареты, но видит лишь толпу незнакомцев. Клиона не успевает ничего ответить, как лакей протягивает руку, и Дафна ступает на землю.

Она думает о том, что все еще стоит на бессемианской земле, но это ее не особо утешает. Клиона оказывается рядом, и, когда предлагает Дафне руку, та ее принимает. Местность незнакомая, ее новые ботинки слишком тесны, и последнее, чего она хочет, – это чтобы первым впечатлением фривийцев о ней было ее падение лицом вниз.

«Первое впечатление длится вечно, так что вы должны позаботиться, чтобы оно было хорошим», – любила говорить ее мать. Дафна повторяет эти слова про себя, надеясь, что никого не разочарует, еще даже не ступив на землю Фрива.

На берегу стоит юноша и при их приближении склоняет голову, но выражение его лица трудно разобрать. Его вьющиеся, спутанные каштановые волосы дико развеваются на ветру и закрывают глаза.

Дафна думает о том, что он красив, но той угрюмой, безумной красотой, которая требует стрижки, ванны и бокала шампанского, чтобы сделать его сосредоточенный хмурый взгляд и напряженную челюсть более мягкими. Темные круги под его глазами резко выделяются на фоне бледной кожи, и она задается вопросом, когда он в последний раз видел свою кровать или солнечный свет.

– Байр, – приветствует его Клиона.

Байр, внебрачный сын короля Варфоломея, коротко кивает Клионе, а затем его взгляд падает на Дафну, и он кланяется.

– Обычно в таких случаях сопровождает жених, но, учитывая здоровье принца Киллиана... – Клиона замолкает.

При упоминании Киллиана юноша вздрагивает – Байр вздрагивает. О Байре информации от шпионов поступало совсем не много, хотя он с детства жил при дворе. История гласит, что его нашли в корзине на ступенях дворца, когда ему было несколько недель, всего через несколько дней после окончания Войны кланов. При нем не было ничего, кроме записки с его именем, но король, не колеблясь, объявил его своим, и, несмотря на протесты королевы Дарины, воспитывал его вместе с принцем Киллианом.

– Ваше Высочество, – говорит Байр холодным, как дующий с реки ветер, голосом. Он оглядывается на реку и группу людей, ожидающих на другой стороне.

Дафна прослеживает его взгляд, замечая скудную грубость местной природы с ее серым небом и лысыми деревьями с пятнами мха. Она старается не дрогнуть при виде собравшейся знати в их тусклых бархатных платьях и горностаевых плащах, но уже скучает по мягкой красоте Бессемии, оборкам, шелку и сиянию. Глядя сейчас на женщин, она не может найти ни одного украшения или намека на румяна. Все люди вялые и бесцветные, и Дафна не может представить, что когда-нибудь почувствует себя одной из них.

«Фрив – суровая, безрадостная страна, – говорила ей мать. – Она наполнена суровыми, безрадостными людьми. Это земля, созданная войной и жаждущая крови».

Дафна вздрагивает.

– Можешь попробовать улыбнуться, – говорит Байр, и его голос вырывает ее из мыслей. – Они ведь проделали весь этот путь лишь для того, чтобы поприветствовать тебя.

Дафна заставляет себя улыбнуться, зная, что он прав. Она может ненавидеть это место – с этим ничего не поделать, – но люди не должны этого знать.

– Давай покончим с этим, – напряженно говорит Байр.

Дафна бросает на него раздраженный взгляд и открывает рот, чтобы возразить, но затем заставляет себя прикусить язык. После трех дней путешествия, оставив позади своих сестер и свой дом, а теперь готовясь окунуться в холодную воду, она готова кому угодно откусить голову. Но оскорбление королевского бастарда ни к чему не приведет, поэтому она просто

позволяет Клионе снять с нее сапоги и, связав их вместе с помощью шнурков, перекидывает их через плечо. Байр с плеском опускается в реку и протягивает Дафне руку.

Река мчится так бурно, что, кажется, Байр вот-вот упадет, но он держится. Это немного успокаивает Дафну, и она берет его за руку, позволяя помочь ей спуститься в воду. Ее сердце бьется так громко, что наверняка все на той стороне реки его слышат.

Холод выбивает дыхание из легких, и Дафна еле сдерживается, чтобы не вскрикнуть. Вода доходит ей до бедер, пропитывает бархатное платье и делает его таким тяжелым, что она с трудом удерживается в вертикальном положении, из-за чего крепко хватается за руку Байра, норовя оставить царапины.

Следом в реку заходит Клиона, берет Дафну за другую руку, и все трое вместе медленно и размеренно переходят реку.

– Ты сломаешь зубы, если будешь так ими стучать, – говорит Байр Дафне ровным голосом. Его явно не беспокоит холод, хотя, похоже, беспокоит *она*.

Дафна искоса смотрит на него, нахмутив брови.

– Я ничего не могу с собой поделать, – говорит она дрожащим голосом. – Холодно.

Байр фыркает, качая головой:

– Вообще-то сейчас еще лето.

– Холодно, а я мокрая, – сама того не желая, она произносит это плаксивым тоном.

Будь ее мать здесь, сделала бы ей выговор, резко дернув за ухо, но хотя бы Дафна не плачет. Она знает, что если начнет, то уже не сможет остановиться, поэтому вместо этого стискивает челюсти и смотрит прямо перед собой. Она ставит одну ногу за другой и думает о теплом огне в очаге и чашке горячего чая в руках.

Когда они достигают другого берега реки, один из мужчин тянется вниз, чтобы помочь Дафне выбраться из воды. И, только когда она благополучно оказывается на фривийской земле и ей на плечи накидывают изумрудно-зеленое фланелевое одеяло, Дафна видит сияющую золотую корону у него на голове и понимает, что ей нужно сделать реверанс.

– Ваше Величество, – говорит она королю Варфоломею, и заготовленные ранее слова теряются где-то у нее в голове. Дафна должна была произнести какую-то формальность, обещание верности, но все ее мысли крутились вокруг того, насколько ей холодно.

Однако улыбка короля Варфоломея такая добрая, словно луч тепла, что Дафна цепляется за нее.

– Добро пожаловать во Фрив, принцесса Дафна, – говорит он на бессемианском языке, прежде чем повернуться туда, где Байр помогает Клионе выбраться из реки. – Как прошел переход? – спрашивает он Байра по-фривски.

Байр смотрит на короля, не удосужившись кланяться даже тогда, когда Клионе удается сделать неуверенный реверанс. Вместо этого он хмуро пожимает плечами.

– Я не понимаю, какая теперь в этом необходимость, – бормочет он, переводя взгляд на Дафну.

Король Варфоломей вздрагивает и качает головой.

– Многое поставлено на карту, Байр.

Байр смеется холодным и резким смехом.

– Многое? – спрашивает он. – Что, торговые пути и принцесса *каннадрах* важнее, чем...

Король заставляет его замолчать и смотрит на Дафну, а та, завернувшись в теплое одеяло, пытается понять, что она только что услышала.

– Ваша мать заверила меня, что вы внимательно относитесь к учебе, в том числе к фри-вскому, – говорит он, улыбаясь, хотя улыбка кажется натянутой. – Прошу прощения за манеры Байра. У нас есть палатка, где вы можете переодеться в сухую одежду. Леди Клиона, не могла бы вы провести ее туда, пожалуйста, и тоже переодеться во что-нибудь сухое? Пусть я и король, но ваш отец оторвет мне голову, если вы простудитесь.

Клиона делает реверанс.

– Конечно, Ваше Величество. – Она хватает Дафну за руку и уводит ее в сторону палатки из мешковины, установленной между двумя высокими соснами.

– О чем они говорили? – спрашивает Дафна.

– Я не совсем уверена, – признается Клиона, закусывая нижнюю губу.

– И это слово? – давит Дафна. – *Каннадрах*?

– У него нет бессемианского эквивалента, – говорит Клиона. – Ближе всего будет «нежная», но это слово не совсем подходит. Вообще его используют для описания того, кто привык к роскошной жизни.

Дафна умеет читать между строк – он назвал ее снобом.

Софрония

Потребовалось два дня, чтобы попасть в Темарин, и еще один день, чтобы добраться до окраин Кавелле, столицы страны, и до сих пор поездка проходила относительно спокойно. У Софронии в животе все сжалось, и она гадает, из-за ухабистой ли это дороги, или из-за ее нервозности по поводу того, что она наконец-то встретит Леопольда лицом к лицу, а возможно, и то и другое вместе. Еще и новый темаринский корсет затянут так туго, что ей приходится дышать очень поверхностно, чтобы не чувствовать, как китовый ус впивается в ее грудную клетку.

Все, что она может сделать, чтобы сосредоточиться на медленных, неглубоких вдохах, – это слушать, как ее спутницы по карете болтают на быстром темаринском языке, который она понимает где-то лишь на три четверти. Она думала, что говорит на нем свободно, но, с другой стороны, никогда и не практиковалась ни с кем, кто говорил бы по-настоящему свободно на темаринском.

Одна из женщин, герцогиня Генриетта, – троюродная тетя Леопольда, а другая, герцогиня Бруна, – его тетя по отцовской линии. Когда они ей представлялись, Софрония улыбалась и кивала, словно ее не заставили заучить родословную королевской семьи Темарина еще до ее шестого дня рождения. Как будто она не знает, что муж герцогини Бруны, любитель азартных игр и женщин, оставил некогда прославленную семью по уши в долгах, или что старший сын герцогини Генриетты поразительно похож на камердинера ее мужа. После стольких лет изучения их имен, имен и возрастов их мужей, детей и других родственников, личная встреча с ними производит странное впечатление. У нее на глазах словно оживают персонажи из книги. Громкие и пьяные персонажи.

Она переводит взгляд в окно на тихий лес окраин Кавелле, стараясь не думать о том, что ее ждет впереди. Примерно через час она наконец встретится с Леопольдом. Это кажется нереальным, ведь за последнее десятилетие они обменялись, должно быть, сотнями писем. Письма, которые сначала были сухими и натянутыми и содержали обычно лишь несколько формальностей, со временем превратились в пачки страниц, в которых подробно излагались их личные мысли и подробности повседневной жизни. Ей кажется, что в некотором смысле она уже знает Леопольда лучше, чем кого-либо другого, кроме, может быть, своих сестер.

Но это не так, напоминает она себе. Досье, которое дала ей мать, доказывает это. Леопольд, которого она знала, не стал бы утраивать налоги для своих подданных, чтобы увеличить собственное богатство. Он не стал бы выселять две дюжины семей и разрушать их деревню, чтобы построить новый охотничий домик. Он бы не стал казнить того, кто нарисовал на него карикатуру. Но настоящий Леопольд сделал все это и даже больше с тех пор, как занял трон в прошлом году.

На самом деле, она знает его не больше, чем он знает ее, и она этого больше не забудет.

«Все в Темарине наши враги, Софрония, – говорила ее мать, передавая досье. – Если ты не будешь об этом помнить, то всех нас обречешь».

Герцогиня Бруна прочищает горло, снова обращая внимание Софронии на себя. Она пытается вспомнить, о чем они говорили и о чем та спрашивала. Что-то о Бессемии и об ее матери.

– Она спросила, правдивы ли слухи о вашей матери, – мягко говорит кто-то по-бессемиански. Горничная, которая помогла ей одеться сегодня утром в гостинице. Хотя тогда она не сказала ей ни слова. Софрония с удивлением понимает, что та отлично говорит по-бессемиански, без малейшего акцента.

– Какие? – спрашивает Софрония герцогинь по-темарински. Женщины думают, что она пошутила, и заливаются смехом. Софрония снова смотрит на горничную, которая примерно

того же возраста, что и она, ее светлые волосы почти того же цвета и зачесаны в тугий пучок. Девушка красивая, но в ней нет той помпезности, которая, кажется, определяет темаринскую красоту.

– Ты очень хорошо говоришь по-бессемиански, – замечает Софрония.

Щеки девушки розовеют, и она опускает взгляд.

– Спасибо, Ваше Высочество. Это мой родной язык, поэтому герцогиня пожелала, чтобы я сопровождала ее в путешествии. Я выросла недалеко от дворца.

Софрония смотрит на женщин и обнаруживает, что они наблюдают за ней, оценивают ее. Она не знает, чья это горничная, но это не имеет значения.

– Как тебя зовут? – спрашивает Софрония.

Та открывает рот, чтобы ответить, но герцогиня Бруна перебивает.

– Виоли, – огрызается она на горничную. – Принеси мой веер. Жара адская.

Девушка – Виоли – спешит открыть ридикюль, который носит с собой, и, вытащив богато украшенный золотой веер, передает его герцогине Бруне. Та немедленно начинает им обмахиваться.

– Бедняжка, – добавляет она, глядя на Софронию. – Ты, должно быть, тоже задыхаешься. Эта карета – просто настоящая теплица.

– Я в порядке, спасибо, – говорит Софрония.

Во всяком случае, думает она, в воздухе витает холодок. Хотя, учитывая, что две герцогини распили между собой бутылку шампанского, нет ничего удивительного в том, что им жарко.

– Такая милая девушка, – говорит герцогиня Генриетта, щелкая языком и делая еще один большой глоток из своего хрустального фужера с шампанским.

Карета резко поворачивает влево, и фужер выпадает из ее рук. Он разбивается об пол, и шампанское разливается на шелковые туфли Софронии.

– Что, черт возьми, это было? – гневно спрашивает герцогиня Бруна, захлопывая веер и открывая окно. Как только она это делает, карету наполняют яростные крики, и Софрония насчитывает пять голосов, в двух из которых узнает голоса кучера и лакея.

– Только не еще одно нападение, – произносит герцогиня Генриетта скорее раздраженно, чем встревоженно. Она закатывает глаза и снова закрывает окно. – Этот лес становится проблемой.

Софрония смотрит в собственное окно и видит группу из трех человек в масках, каждый из которых держит кинжал. Один приставил лезвие к горлу лакея, а кучер в поисках чего-то обыскивает скамейку.

– Они ранят лакея, – тревожится Софрония. Она не понимает, почему эти женщины так спокойны: у грабителей есть кинжалы, а их единственная защита – это пустая бутылка из-под шампанского. Софрония думает о том, что при необходимости она могла бы сделать из нее оружие, хотя это вызовет у ее спутниц очень много вопросов. Но герцогини ведут себя так, будто разбитый бокал с шампанским – наихудшая из их проблем, и даже Виоли не кажется особенно обеспокоенной.

– Не волнуйтесь, Ваше Высочество, – с бледной улыбкой говорит герцогиня Генриетта. – К сожалению, в этих краях это становится обычным явлением – хулиганы ищут легкую монету, – но у кучера достаточно денег, чтобы обеспечить безопасный проход. Это всего лишь временная задержка.

Она звучит уверенно, но тревога Софронии не утихает. Она снова обращает внимание за окно.

Кучер протягивает белый бархатный мешочек, перевязанный золотой кисточкой, одному из грабителей, тот берет его, заглядывает внутрь и взвешивает на ладони содержимое. Он кла-

дет его в карман и кивает мужчине, приставившему кинжал к горлу лакея. Лакея отпускают, и Софрония замечает, что он тоже не выглядит особенно обеспокоенным.

– Я не знала, что уровень преступности в этих краях настолько высок, – говорит Софрония, закрывая занавес.

– Отчаявшиеся люди совершают отчаянные поступки, Ваше Высочество, – мягко поясняет Виоли.

– Ты хотела сказать «недостойные люди», – рявкает герцогиня Бруна.

Софрония более склонна согласиться с Виоли, но не может произнести это вслух. Резкого повышения налогов в Темарине было достаточно, чтобы довести до отчаяния многих людей.

Раздается звук приближающихся лошадей. Трое грабителей тоже их слышат и бросаются бежать, но через несколько секунд на дороге появляется дюжина солдат с поднятыми пистолетами верхом на лошадях.

– Стоять! – кричит скачущий впереди мужчина. Софрония узнает его форму по золотым погонам и трем желтым полосам на рукаве – это глава личной охраны короля, но она не понимает, что он здесь делает. Должно быть, трое грабителей тоже поняли, кто это, потому что все они замирают, подняв руки вверх. Все еще держа пистолет, гвардеец спешивается и направляется к грабителям.

– Вы арестованы во имя Его Величества короля Леопольда.

Он хватает одного из грабителей сзади за шею и срывает с него маску. Мальчику не больше четырнадцати, и он выглядит так, словно сейчас заплачет. Гвардеец снимает маски с двух других, и те выглядят еще младше, но его это, кажется, не беспокоит.

– Наденьте на них наручники! – кричит он, и его люди спешиваются и делают, как он приказывает. Они связывают мальчикам руки за спиной более грубо, чем это кажется необходимым. Один из мальчиков вскрикивает, и Софрония видит, что его рука сгибается под неестественным углом.

– Король Леопольд хотел удивить вас, встретив ваш экипаж, – говорит герцогиня Бруна. – И какой удачный момент он выбрал.

– Принцесса Софрония, вы здесь? – кричит начальник охраны в сторону кареты. – Теперь вы в безопасности.

Рука Софронии сжимается на ручке двери, и ей кажется, что гвардейцы пугают ее больше, чем грабители. Но она знает свою роль в этой пьесе, поэтому открывает дверь кареты, позволяет лакею вывести ее на полуденное солнце и поднимает руку в перчатке, прикрывая глаза. Она лучезарно улыбается гвардейцу.

– О, спасибо, сэр, – благодарит она его по-темарински. – Мы были так напуганы.

Гвардеец низко кланяется:

– Мне жаль, что ваше первое впечатление о Темарине было таким неприятным, принцесса.

– Софрония! – зовет кто-то.

Она снова поворачивается к гвардейцам, а потом видит его, и, несмотря ни на что, ее сердце начинает биться быстрее. Она сразу его узнает, хотя он выглядит немного иначе, чем на последнем портрете, присланном два года назад: его бронзовые волосы длиннее и вьются вокруг ушей, а черты лица кажутся более резкими – все мальчишеские округлости исчезли. И, самое главное, он настоящий. Не неподвижные и ограниченные двумя измерениями масло с холстом, а плоть, кровь и жизнь. Софрония не знала, что он может так улыбаться.

Она нервничает. *Он так же улыбался, приговаривая художника к смертной казни? А когда изгонял тех жителей из их домов?*

Через несколько секунд он слезает с лошади и приближается к ней, и вдруг она оказывается в его объятиях и обнимет его за шею. Почему-то он даже пахнет так, как она себе представляла: кедром и какими-то специями.

Когда они расходятся, на его лице появляется смущенная улыбка, и Софрония с опозданием вспоминает, что они не одни. Она оглядывается и видит, как две герцогини, Виоли и гвардейцы Леопольда наблюдают за ними со смесью восторга и замешательства на лицах. Даже грабители смотрят на них, но на их лицах лишь испуг.

– Прошу прощения, – говорит Леопольд, наклоняясь в поклоне и целуя тыльную сторону ее руки. – Я просто не могу поверить, что ты наконец-то здесь.

Софрония заставляет себя улыбнуться и пытается взять под контроль свое быстро бьющееся сердце и румянец, который, как она чувствует, проступает на ее щеках.

– Я тоже не могу в это поверить, – вторит она ему.

И это, по крайней мере, правда.

Леопольд помогает ей сесть перед собой на лошадь и, пока они пробираются через лес к Кавелле и дворцу, держит поводья по обе стороны от ее талии. Слух об их прибытии, должно быть, распространился, потому что люди на окраинах города выходят из домов, машут и приветствуют Леопольда и Софронию, а те машут в ответ. Однако им рады далеко не все. Она замечает, что добрая четверть толпы стоит в тишине, сурово наблюдая за ними с каменными выражениями на лицах. Но они не смеют издать и звука, и Софрония не может их в этом упрекнуть. Казнь художника послужила страшным предупреждением.

Со всех сторон их окружают гвардейцы Леопольда, а карета с герцогинями и Виоли замыкает свиту. Трое грабителей в наручниках идут рядом с гвардейскими лошадьми.

– Что с ними будет? – спрашивает Софрония Леопольда, все еще улыбаясь. Ее щеки начинают болеть, но она держится, продолжая махать рукой крестьянам, стоящим вдоль дороги.

– С кем? – смущенно спрашивает Леопольд.

– С мальчишками, – поясняет она, кивая в сторону одного из них, идущего за гвардейцем справа от них.

– А, ты про грабителей, – догадывается Леопольд, и она чувствует, как он пожимает плечами. – Не волнуйся, в Темарине к преступлениям относятся очень серьезно. Они будут должным образом наказаны.

Он произносит эти слова как утешение, но Софрония не успокаивается. Считает ли он, что художник тоже должным образом наказан?

– Они такие юные, – говорит она, стараясь сделать голос легким и воздушным. – Возможно, будет уместно проявить милость, в итоге ведь никто не пострадал.

– Но могли, – отвечает Леопольд. – И моя мама говорит, что важно напоминать людям о последствиях, иначе уровень преступности будет только расти.

Матери Леопольда, вдовствующей королеве Евгении, было всего четырнадцать, когда ее отправили в Темарин из Селларии, чтобы она вышла замуж за короля Карлайла и заключила перемирие, положившее конец Селестинской войне. Софрония знает об этом, потому что ее мать часто использовала это как пример своей доброты, ведь, прежде чем выдать дочерей замуж, она ждала, пока им не исполнится шестнадцать. Их шпионы сообщили, что после смерти короля Карлайла год назад королева Евгения стала более активно участвовать в темаринской политике и давать советы Леопольду, которому, когда он занял трон, было всего пятнадцать.

– Они примерно одного возраста с твоими братьями, – отмечает Софрония, думая о младших принцах: Гидеоне, которому было четырнадцать, и Риде, которому исполнилось двенадцать. – Я уверена, что твоя мать проявила бы сострадание.

– Мои братья никогда не грабили экипажи и не угрожали убить лакея, – отвечает Леопольд.

– Сомневаюсь, что эти мальчишки делали это ради развлечения. Посмотри на этого, – говорит она, кивая в сторону самого младшего на вид. – Кожа да кости. Как ты думаешь, когда он в последний раз ел?

Леопольд молчит.

– У тебя мягкое сердце, и я восхищаюсь этим, но они сделали свой выбор. Должны быть последствия.

Софрония пытается скрыть нарастающую тревогу, пока с каждым ударом лошадиных копыт в ее голове эхом отзываются слова матери. *«Он наш враг, и ты больше этого не забудешь».*

Беатрис

Для Беатрис поездка к селларианскому дворцу в городе Валлон проходит как в тумане. Вскоре после того, как они покидают последний постоялый двор, дамы в ее карете, уставшие от дороги, засыпают. Беатрис смотрит в окно, ища вдалеке признаки приближения к Валлону.

Она знает, что будет скучать по сестрам, и уже ощущает пустоту в своем сердце, как раньше ощущала пустое пространство во рту после потери молочного зуба. Она ничего не может поделаться с этим ощущением потери, но при этом жаждет получить Селларию, жаждет перемен, жаждет ощутить вкус власти, которую ее мать всегда бережно охраняла, словно дракон из детской сказки.

Пока ей некуда торопиться, она вспоминает о задаче, которую поставила перед ней мать.

«Очаруй темаринского посла, – сказала ей императрица. – Я хочу, чтобы он так вокруг тебя обвился, что по одному твоему слову будет готов прыгнуть с Альдерских скал».

Это будет достаточно легко – в конце концов, для этого ее и растили. Обучали очаровывать, оболыщать и подчинять своей воле людей, особенно мужчин. В ее распоряжении целый арсенал уловок, которые ей показали куртизанки: как смеяться и дотрагиваться до руки мужчины, позволяя прикосновению на секунду задержаться. Как улыбнуться так, чтобы показать ямочку на щеке. И, самое главное, как быстро и точно определить, что ему от нее нужно и как это желание исполнить. Как быть смущенной и невинной. Смелой и соблазнительной. Застенчивой и романтической. Наглой и остроумной.

У каждого есть фантазия, и Беатрис научилась воплощать каждую из них. Надо лишь понять, чего человек хочет.

Все, что она знает о посланнике Темарина, лорде Савеле, говорит о том, что его будет легко очаровать. Вдовец за сорок, он половину своей жизни провел при селларианском дворе, где использование звездной пыли строго запрещено. Шпионы ее матери говорят, что все при дворе не любят его и не доверяют ему, но не больше, чем сам король, который не упускает возможности оскорбить посла. Однако лорда Савеля, похоже, не смущает отношение короля и всего двора: он находится в Селларии, чтобы работать, и, судя по всему, делает это хорошо. Поддерживать мир между Селларией и Темарином почти два десятилетия с окончания Целестейской войны – трудная задача, учитывая слухи о вспыльчивости и безрассудной импульсивности короля Чезаре. Их селларианские шпионы считают, что лорд Савель единолично помешал королю объявить войну тем, кого тот считал язычниками-темаринцами, не менее дюжины раз.

Беатрис уверена, что лорду Савелю наверняка одиноко.

«Ты хочешь, чтобы я флиртовала со стариком? – спросила Беатрис свою мать. – Он мне в отца годится».

Императрице это не понравилось, потому что она не любила, когда ее инструкции подвергали сомнению. Но Беатрис никогда не умела держать язык за зубами, как и ее сестры. Если честно, она никогда особо и не пыталась. *«Я надеюсь, что ты сделаешь все возможное, чтобы его заполучить, – холодно ответила императрица. При виде испуганного взгляда Беатрис она рассмеялась. – О, Беатрис, прошу тебя. Роль скромницы тебе не подходит. Ты сделаешь то, что нужно».*

Дамы в карете начинают шевелиться. Экипаж пересекает мост, ведущий в город с разноцветными шпилями, выглядывающими из-за окружающих его со всех сторон стен, и Беатрис забывает свою мать, забывает эти инструкции и то, какое отвращение они у нее вызывают.

– Ах, Валлон, – с тоской в голосе говорит одна из дам. Она ближе всех к Беатрис по возрасту, но все же старше ее как минимум на десять лет.

Ее зовут Бьянка, вспоминает Беатрис, графиня Лавелльская, которая стесняется размера своих ушей и имеет склонность издеваться над молодыми дамами при дворе. Они еще даже не добрались до места, а Беатрис уже убедилась в правдивости этих слухов. Конечно, графиня вела себя не так очевидно, все-таки она не настолько глупа, чтобы открыто грубить своей будущей королеве, но были и двусмысленные комплименты, и испепеляющие взгляды, и остроты в ее сторону.

Каждый раз Беатрис скрипела зубами и делала вид, что ничего не замечает, даже когда другие дамы ухмылялись и, прикрывая рот рукой, хихикали. Мать научила ее многим вещам, по большей части неприятным, но главное – она научила ее терпению.

Беатрис наклоняется ближе к окну, пытаясь увидеть как можно больше города, но даже издалека взгляд не может охватить его весь. Столица Бессемии, Хапантуаль, могла поместиться в него как минимум трижды.

Внезапно Беатрис – всегда слишком громкая, слишком яркая, слишком шумная – чувствует себя маленькой, как мышь в соборе.

Они приближаются и подъезжают через мост к городским воротам – огромной позолоченной конструкции, украшенной радугой драгоценных камней, которые словно оживают, ярко сверкая в полуденном свете. Затем они проезжают через лабиринт извилистых улиц, мимо ярко раскрашенных городских домов и усадеб, благоухающих садов с цветами, которые Беатрис никогда не видела, и людей, одетых по моде, которую в Бессемии сочли бы слишком яркой и вычурной. Весь город суетится и так блистает, как она и представить себе не могла. Какофония городских звуков поражает ее слух, будто сладчайшая мелодия.

– Какая красота, – говорит она селларианским дамам, прижавшись лицом к окну так, что оно запотеваает при каждом выдохе.

Но по сравнению с дворцом блекнет даже город. Он возвышается надо всем: огромное белое здание с бесчисленным количеством окон и балконов, а его вход украшен колоннами. В солнечном свете белый камень словно светится изнутри.

Беатрис всегда думала, что Бессемианский дворец – самый величественный в мире, но когда она выходит из кареты и встает перед дворцом Селлари, то понимает, насколько мал ее дом.

Она старается не демонстрировать свое изумление, а вместо этого сосредотачивает свое внимание на группе людей, один ярче другого, выстроившихся в линию и смотрящих на нее. Одна женщина одета в широкое оранжевое платье с рукавами размером с арбуз. Другая носит напоминающую бабочку шляпу, с которой свисает больше драгоценных камней, чем с любой из виденных ею когда-либо люстр. Мужчина одет в костюм из атласа в красно-черную полоску и сапоги на каблуках с рубиновыми шипами.

В центре линии – король Чезаре, которого можно узнать по золотой короне на голове и украшенному драгоценностями бархатному плащу на плечах. Беатрис слышала рассказы некоторых из женщин-селларианок в бессемианских борделях о короле Чезаре, большинство из которых использовали прошлые связи с королем в качестве саморекламы. А кто бы не захотел переспать с женщиной, которая достаточно хороша и для короля? В юности он был самым красивым мужчиной на континенте, и даже сейчас, когда ему за пятьдесят, она видит тень былой красоты. Говорят, у него столько внебрачных детей, что выбрана специальная дата, чтобы отмечать сразу все их дни рождения.

Когда Беатрис переводит взгляд вправо, она чувствует, как ее сердцебиение ускоряется. Рядом с ним стоит его единственный живой законный ребенок, с собственной золотой короной, менее богато украшенной, чем у его отца, но столь же царственной.

Принц Паскаль.

Он выглядит примерно так, как и представляла Беатрис, хотя портрет, который она получила несколько лет назад, допускал некоторые вольности. Его плечи не такие широкие, да и

рост меньше. Но художник прекрасно запечатлел его взгляд, потому-то сейчас на нее с любопытством и долей страха смотрят такие же широко раскрытые карие глаза, которые делают принца похожим на ребенка. Когда этот взгляд встречается с ее, принц пытается улыбнуться, но это выглядит сдержанно и неискренне.

Толпа выстраивается вдоль лестницы, ведущей ко дворцу, и аплодирует, когда Беатрис начинает свой подъем. Одна из дам из кареты спешит поднять длинный шлейф ее платья, тянувшийся позади, словно след свежей крови.

Когда она наконец достигает вершины лестницы, у нее болят ноги, но ей удается сделать глубокий реверанс перед королем Чезаре.

– Добро пожаловать в Селларию, принцесса Беатрис, – говорит король таким громким голосом, что его слышит даже толпа, собравшаяся у подножия лестницы. Он наклоняется, берет пальцами ее подбородок и приподнимает лицо девушки к себе. Беатрис встречает его критический взгляд. На мгновение ее сердце замирает: что, если он что-то увидит сквозь глазные капли? Она использовала их прошлой ночью прямо перед тем, как заснуть, чтобы слуги, разбудившие ее утром, ничего не заметили. Аптекарь сказал, что эффект продлится полные двадцать четыре часа, но что, если что-то пойдет не так? Король убьет ее на месте? Кажется, проходит вечность, но вдруг он широко улыбается и отпускает ее.

– Красавица! – объявляет он толпе, хватая Беатрис за руку и поднимая ее вверх. Толпа снова взрывается аплодисментами.

Аплодируют ей, в ее честь, но все это кажется ей пустым.

– Моему сыну повезло, – продолжает король Чезаре, взяв за руку принца Паскаля и вложив в нее руку Беатрис. Ладонь принца липкая, но он сжимает ее, и, как кажется Беатрис, это попытка ее приободрить. Пусть ей и все равно, она ценит этот жест, но, когда пытается встретиться взглядом с Паскалем, он продолжает смотреть на толпу, а на его лбу, несмотря на прохладу, выступает пот.

– Я знаю, что у всех нас были опасения, что бессемианская принцесса будет слишком испорчена магией, чтобы стать подходящей будущей королевой, – продолжает король Чезаре, и Беатрис чувствует, как ее охватывает беспокойство, но она продолжает улыбаться, задерживает дыхание и ждет, когда он продолжит.

– Но императрица Маргаро заверила меня, что принцесса Беатрис выросла настоящей селларианкой как в традициях, так и в вере, и следует истинным путем звезд. Не правда ли, моя дорогая?

Беатрис открывает рот, чтобы произнести фразу, которую практиковала в течение многих лет, – обличение магии и языческих обычаев Бессемии. Она даже готова трясти кулаками или драматически упасть в обморок, все зависит от реакции аудитории. Но ей не дают такой возможности.

– И почему мы должны доверять словам этой потаскухи? – кричит мужчина из толпы. – Женщине, которая спит с дьявольским эмпиреем в обмен на мелкие желания своего сердца?

Беатрис приходится сдерживать смех при мысли о том, что ее мать и Найджелус вместе. Она знает, что у ее матери было много любовников на протяжении всей ее жизни, но мысль о том, что среди них есть и Найджелус, абсурдна.

– Я бы не стал, – говорит король. – Мой посол подтвердил это, как и наши шпионы в Бессемии. Все описывали принцессу Беатрис как благочестивую и набожную девушку. Пока ее сестры-язычницы использовали звездную пыль, желая пони и драгоценности, принцесса Беатрис отказывалась от каждой крупинки, которую ей когда-либо предлагали.

Это ложь – почти такая же смешная, как мысль о ее матери и Найджелусе, – но Беатрис знает, что все эти послы и шпионы – лжецы, готовые в обмен на несколько флаконов со звездной пылью сказать королю все, что прикажет им императрица Маргаро. А тот, кто отказывался, попадал в ужасные несчастные случаи.

– Это правда, – говорит Беатрис, глядя на толпу из-под опущенных ресниц. – Я считала дни, ожидая избавления от того ужасного места. Я чувствую себя поистине счастливой, находясь здесь, перед вами, в гораздо более цивилизованной стране, и бесконечно благодарна королю Чезаре и принцу Паскалю за то, что они спасли меня от такого кошмара. Если я больше никогда не увижу звездную пыль, то буду благодарить небо каждую секунду до конца своей жизни.

Возможно, слова прозвучали чрезмерно драматично, но это своеобразный трюк. Даже человек, который до этого кричал, выглядит умиротворенным.

– Настоящее сокровище! Если ты не будешь ее беречь, Паскаль, – говорит король Чезаре, наклоняясь к уху сына, хотя все в радиусе пятидесяти футов его слышат, – мне, возможно, придется украсть ее у тебя.

Прежде чем Беатрис успевает осмыслить его слова, король на виду у тысяч собравшихся кладет руку ей на зад и сжимает его. Она едва ощущает его прикосновение сквозь слои нижних юбок и суматоху, но ее лицо все равно начинает гореть.

Ей не следует удивляться, она слышала больше историй о его похоти, чем может сосчитать: о женах знати, посудомойках и, по-видимому, всех типах женщин между ними. И все же шок заставляет ее замереть, и на мгновение она чувствует себя ланью, увидевшей гадюк.

– Ваше Величество, – говорит Беатрис, выжимая из себя кокетливую улыбку, хотя больше всего ей хочется отбросить его руку. – Должна сказать, что, если вы собираетесь увести девушку, вам стоит выбрать другую тактику.

На секунду наступает тишина, и Беатрис беспокоится, что ее рот доставил ей неприятности, что она слишком рано показала свои клыки и когти. «Терпение», – всегда предостерегала ее мать. Однако, прежде чем она успевает извиниться, король Чезаре запрокидывает голову, опускает руку и громко смеется.

– Какая вспыльчивая, – говорит он с одобрительной улыбкой, а затем переводит взгляд на своего окаменевшего сына. Он понижает голос так, чтобы его слышали только Беатрис и принц: – Может, ты чему-нибудь научишься у нее, мой мальчик.

Нежность в его голосе не смягчает этих слов, и принц Паскаль вздрагивает, словно от удара. Король Чезаре этого не видит, так как его внимание уже снова приковано к толпе.

– Этим двум голубкам не придется долго ждать. По плану, их свадьба состоится завтра вечером... – Он замолкает, оглядываясь на них с озорством в глазах. – Но, думаю, в одном поцелуе нет ничего страшного.

На этот раз, когда принц Паскаль смотрит на нее, в его глазах ясно виден страх. Его рука дрожит в ее руке.

«О, звезды, – думает Беатрис. – Он никогда раньше не целовал девушку.»

На протяжении всего своего обучения она была убеждена, что Селлария – это страна удовольствий и свободных нравов, что полностью противоречит строгости, с которой здесь относятся к магии. И она ожидала найти принца похожим на своего отца: уверенным в себе развратником, разбившим немало сердец. Вместо этого принц Паскаль – нервный мальчик, который смотрит на нее, как на какого-то дракона, пришедшего проглотить его целиком.

Толпа ждет и наблюдает за ними, взволнованная и ожидающая шоу с Беатрис в главной роли.

– Притяни меня к себе, – шепчет она принцу Паскалю, и тот встревоженно смотрит на нее.

– Ч-что? – спрашивает он.

– Просто сделай это, – отвечает она.

Принц Паскаль сглатывает и переводит взгляд на своего отца, на толпу, затем снова на нее. Их руки все еще соединены, он притягивает ее к себе, и Беатрис прижимается своими губами к его.

Из-за аплодисментов и свистков никто кроме Беатрис не замечает, насколько неловок поцелуй. Дело не только в том, что он неуклюж, как и большинство первых поцелуев с новым человеком, но и в том, что он холоден – просто касание губ. Его рука покорно лежит у нее на спине. В этом поцелуе нет ни искры, ни тепла, ни вообще какой-либо романтики.

Но толпа хочет увидеть великую историю любви, разворачивающуюся на их глазах, и Беатрис не собирается их разочаровывать. Когда они разрывают поцелуй, она улыбается, закусывая губу и вызывая румянец на щеках, как научилась это делать у лучших куртизанок Бессемии.

«Ты для них игрушка, – говорила ей одна из них, Сабина. – Если ты сможешь стать тем, кем они хотят тебя видеть, во имя тебя они сожгут мир дотла».

Она знает, какой ее хочет видеть Селлария: страстной красавицей, краснеющей невестой, безумно влюбленной в своего принца принцессой. Взглянув искоса на принца Паскаля, она понимает, что не имеет ни малейшего представления, какой хочет видеть ее он. Но она полна решимости это выяснить.

Дафна

Через полчаса после выхода из реки, промокшая и замерзшая, Дафна оказывается в новом сухом платье, похожем на то, которое она носила раньше. Чтобы защитить от холода, который проникает даже в карету, которую она делит с королем Варфоломеем и Байром, ей на плечи накинута толстую горностаевую накидку. Никто из них, кажется, не чувствует холода, но когда Дафна говорит об этом, Варфоломей одаривает ее легкой улыбкой, не достигающей глаз.

– Со временем вы к этому привыкнете, – говорит он ей.

Дафна думает, что предпочла бы сгореть заживо, чем оставаться в этом убогом месте достаточно долго, чтобы привыкнуть к нему, но она делает вид, что эти слова приносят ей утешение.

Король Варфоломей смотрит на Байра, сосредоточившего свое внимание на виде за окном, а затем снова поворачивается к ней. Кажется, он к чему-то готовится. Вряд ли это хороший знак, думает Дафна. Прежде чем заговорить, король глубоко вздыхает.

– Нет простого способа сказать это, и я все еще пытаюсь подобрать слова, но Киллиан умер шесть дней назад, в ночь после того, как Клиона и остальные отправились вас встречать.

Дафна смеется. Она этого не хотела, но после всего пережитого стресса, бессонных ночей и перемен, произошедших за последние несколько дней, ничего не может с собой поделать.

– Вы шутите, – говорит она. Но, когда Варфоломей и Байр лишь смотрят на нее печальными глазами, ее смех утихает. – Мне... мне очень жаль, – заикается она, – я не имела в виду... Я слышала, что он болен, но не думала...

– Никто из нас этого не думал, – говорит король Варфоломей, качая головой. – Еще несколько месяцев назад он был совершенно здоров. Мы всегда считали, что его болезнь пройдет. Но это оказалось не так.

Он говорит резко и прямолинейно, и Дафна может видеть генерала, которым он был до того, как стал королем, человека, больше знакомого со смертью, чем с жизнью. Но даже это не подготовило его к потере сына – за безмятежной внешностью его глаза горят болью.

– Мне очень жаль, – говорит она искренне. Дафна не знала Киллиана по-настоящему. Последние несколько лет они обменивались письмами, и она считала его добрым и умным, но она не Софрония, которая вообразила себя влюбленной в мальчика, состоящего из слов. Однако то сочувствие быстро заглушается паникой, которую она изо всех сил пытается скрыть. Что это значит для плана ее матери, для ее собственного будущего?

– Спасибо, – говорит король Варфоломей. – Родителям тяжело терять ребенка, точно так же, как, я уверен, вам было трудно потерять отца.

Дафна не поправляет его, хотя правда в том, что она редко думает о своем отце. Он умер, когда ей было всего несколько дней от роду. Она не могла оплакивать того, кого никогда не знала, да и матери было более чем достаточно.

– Я всегда с нетерпением ждала писем Киллиана, – вместо этого говорит она, и это еще одна ложь, которая, тем не менее, легко срывается с ее губ. – Я очень ждала встречи с ним.

– Я знаю, что он чувствовал то же самое, не так ли, Байр? – говорит король Варфоломей, глядя на своего сына.

Байр отрывисто кивает, но ничего не говорит.

– Однако, – продолжает Варфоломей, – в первую очередь я король, а потом уже отец. И, как бы мне ни хотелось потратить время на то, чтобы должным образом оплакать Киллиана, я должен позаботиться о благополучии своей страны. Нам нужны торговые пути, обещанные союзом с Бессемией.

Дафна хмурится:

– Прошу прощения, я запуталась. Я приехала сюда, чтобы скрепить союз через брак. Если Киллиан мертв...

– Киллиан был нашим с женой единственным выжившим ребенком, но были и другие. Всего десять. Живыми родились шесть, трое прожили больше недели. Ни один не прожил больше двух.

– Мне очень жаль, – снова повторяет она.

Король Варфоломей качает головой.

– Я говорю это, чтобы ты поняла: у нас с женой больше не может быть детей. По каким бы то ни было причинам, но звезды нам их не дадут. А объединенный Фрив слишком молод, слишком хрупок и не выдержит, если я умру без наследника.

Глядя на Байра, он делает паузу. Тот выпрямляется, и его лицо внезапно становится пепельным.

– Однако у меня есть наследник.

– Ты, должно быть, шутишь, – практически рычит Байр. – Киллиан умер шесть дней назад, и ты хочешь, чтобы я его заменил? Просто забрал его жизнь, его титул, его помолвку, словно пару ношенных ботинок?

Король Варфоломей вздрагивает, но не отводит взгляд.

– Фриву нужно ясное будущее. Узаконить тебя – единственный способ дать ему этот шанс.

Он не ждет ответа Байра, а вместо этого обращается к Дафне:

– Так наш договор с Бессемией останется в силе. Я уже писал твоей матери. Ее согласие прибыло незадолго до вас. Пока мы говорим, составляется обновленный контракт.

«Конечно, она согласилась», – думает Дафна. Один принц Фрива ничем не отличается от другого. Она сомневается, что ее мать вообще раздумывала над этим вопросом.

– Это просьба? – спрашивает Байр своего отца дрожащим голосом. – Или королевский приказ?

Король долго не отвечает, хотя внезапно выглядит намного старше своих тридцати семи лет.

– Ты мой сын, – говорит он Байру. – И я считаю, что воспитал тебя должным образом, так что ты способен понять разницу.

Если Байр и понимает, то ничего не говорит. Вместо этого он смотрит на Дафну, впервые с тех пор, как она села в карету.

– А ты? – спрашивает он язвительно. – Согласна выйти замуж за незнакомца?

Дафна выдерживает его взгляд.

– Я и так собиралась выйти замуж за незнакомца, – отвечает она, а затем смотрит на короля Варфоломея. – Я сделаю все, что нужно для выполнения договора.

Если бессемиянский дворец – жемчужина страны, солнце, вокруг которого вращается вся жизнь, то дворец, в который ступает Дафна этим вечером, – длинная тень Фрива, средоточие его дикости и жестокости. В свете свечей не видно ни тени золота, ни сияющей эмали, ни блестящего мрамора. Сплошь камень и дерево, узкие коридоры, устланные толстыми шерстяными коврами серых оттенков, да скудный декор. И если вход дворца в Бессемии светел и украшен картинами в позолоченных рамах и фарфоровыми вазами с живыми цветами, то здесь царит полутьма и видно лишь несколько нарисованных маслом портретов, обрамленных деревянными рамами.

Дафна плотнее укутывается в накидку из горностая.

– Я должен проведать королеву, – говорит король Варфоломей, как только они оказываются внутри. – Байр, ты проводишь Дафну в ее покои?

Не дожидаясь ответа, король спешит прочь по темному коридору. Дафна и Байр остаются в неловком молчании.

– Мне очень жаль, – говорит она, когда тишина становится невыносимой. – Я вижу, что он был тебе дорог.

– Он был моим братом, – после некоторого молчания отвечает Байр, как будто этим все сказано.

Так и есть. Пусть Дафне и не нравится Байр, но она не может представить, каково ему сейчас. Если бы Софрония или Беатрис умерли, она не знает, как бы вообще смогла дышать.

– Мне очень жаль, – снова повторяет она, потому что больше ей нечего сказать.

Он один раз кивает, а затем пристально смотрит на нее своими серебряными глазами. Его коснулись звезды, думает Дафна, хотя это уже было известно из информации шпионов. Она никогда до конца не понимала, какая женщина пожелает ребенка только для того, чтобы потом его бросить? Варфоломей на момент зачатия был даже не королем, а просто одним из солдат. В Байре так много загадок.

Он делает короткий, нерешительный поклон.

– В конце коридора есть гвардеец, который покажет тебе твою комнату, – говорит он Дафне, прежде чем развернуться и уйти. Она осталась одна в странном замке, в чужой стране. Ее мир перевернулся.

Дафна ходит по спальне. Она меньше, чем та, что была у нее в Бессемии, но ее это радует: крошечная комнатка лучше сохраняет идущее от камина тепло, чем большое пространство. Толстые зеленые бархатные занавески защищают комнату от холодного уличного воздуха, а кровать и софа завалены мехами белого, серого и коричневого цветов. Тканый серый шерстяной ковер, украшенный завитками зеленого плюща, покрывает каменный пол почти от стены до стены.

С тех пор, как она приехала, прошло несколько часов, и часы в углу показывают, что уже почти два часа ночи. Горничные пришли, переодели ее во фланелевую ночную рубашку и снова ушли. Несмотря на поздний час и напряженный день, она не может уснуть. Она ничего не может сделать, кроме как ходить и думать.

Принц Киллиан мертв.

На самом деле это ничего не меняет. Ее послали сюда, чтобы выйти замуж за принца, и она так и поступит. Ничего не изменится, кроме имени в брачном контракте. Это то, что сказала бы ей ее мать, будь она здесь.

Но это не вся правда. Она провела всю свою жизнь, готовясь выйти замуж за Киллиана: узнавала о нем все, выясняла, как заставить его полюбить ее, как вести себя, чтобы он был податливым. Она знала о его одержимости соколиной охотой и стрельбой из лука, знала, что однажды он нашел кролика со сломанной ногой и вылечил его сам. Знала, как он специально проиграл скачки, когда понял, что его соперники позволяют ему побеждать. Она понимала, как Киллиан мыслит и как использовать это в своих интересах.

А вот Байр – загадка, которую она не понимает и которая ей не нравится. И, кажется, это взаимно. Тактика, которую она спланировала для Киллиана, с Байром не сработает. Ей придется начинать с нуля.

К тому же часть ее не может перестать думать о письмах Киллиана, мальчика, которого она знала от и до, даже не встречаясь с ним. Она не была Софронией, потерявшей голову и сердце из-за нескольких добрых слов, но когда она думает о Киллиане, холодном и безжизненном, то чувствует глубоко в груди укол, напоминающий горе.

Так не пойдет. Она встряхивается и пытается сосредоточиться.

Печать.

Изначально она планировала дать себе несколько дней, чтобы обустроиться и выяснить, как украсть королевскую печать, избегая при этом внимания, но теперь, когда все так неопределенно, Дафна цепляется за то единственное, что может сделать. Тем более, думает она, учи-

тывая поздний час и недавнюю смерть принца, в замке будет спокойнее, чем обычно, что дает ей прекрасную возможность все разузнать.

Она натягивает поверх ночной рубашки плащ, берет с прикроватной тумбочки свечу и ускользает из тепла своей комнаты в холодный и пустой коридор.

Бессемианский дворец никогда не казался темным. Даже ранним утром там всегда было светло и шумно. Слуги начинали приносить кофе и завтраки в покои одних аристократов, в то время как другие дворяне только возвращались домой с бала или банкета, начавшегося накануне вечером. Там никогда не стояла такая тишина, как здесь.

Это и беспокоит Дафну, пока она на цыпочках идет по черному как смоль коридору, а свеча излучает небольшую ауру света, достаточную, чтобы видеть на несколько футов перед собой.

Часть ее хочет вернуться в комнату, но она знает, что у нее никогда не будет другого такого шанса: даже если ее поймут, она может широко раскрыть глаза и заявить, что потерялась, пытаясь раздобыть стакан воды, потому что только приехала и еще не знакома с расположением комнат.

Она знает, что ее мать хранит печать в своем кабинете в запертом ящике стола. Кажется, это для начала хороший вариант. Планировка дворца ей непривычна, но она помнит, что они пошли от входа в ту же сторону, что и Варфоломей, а это значит, что ее поселили в королевском крыле. Кабинет короля, вероятно, здесь же, но для удобства он должен быть расположен ближе ко входу в дворец, чтобы по пути на аудиенцию посетители не проходили через личные покои его семьи.

Конечно, было бы легче, если бы не было так темно. Требуется почти полчаса блужданий, чтобы найти вход, через который она прошла, и за это время ей не встречается ни одной живой души. Это заставляет ее зубы скрипеть. Последние шестнадцать лет она видела стражников у каждой двери, включая ее собственную. Это все, что она когда-либо знала, поэтому их внезапное отсутствие ощущается как назойливая муха, без конца жужжащая, но находящаяся за пределами досягаемости.

У входа на улицу стоят гвардейцы, чьи силуэты ясно видны через окна. В пределах ее поля зрения их больше двадцати, и у каждого в руках по винтовке. Учитывая отсутствие стражи внутри дворца, такое количество людей снаружи кажется Дафне странным. Чего они опасаются?

Она идет к первой двери королевского крыла и прижимается ухом к дереву, прислушиваясь к голосам. Это не может быть спальня – кому захочется спать так близко от входа? – поэтому, когда она ничего не слышит, то осторожно толкает дверь.

За ней расположена гостиная с роскошной бархатной мебелью и украшенными цветочным рисунком шторами. В углу стоит небольшой клавесин, но выглядит он запущенным: клавиши прикрыты крышкой, а ноты лежат на высокой полке под толстым слоем пыли.

Следом расположены галерея, еще одна гостиная, библиотека, но никаких следов кабинета.

Дафна уже почти сдается, но вдруг ей попадается запертая дверь – это хороший знак. Она вытаскивает из волос шпильки и приседает так, чтобы замочная скважина оказалась на уровне глаз. Взлом – это деликатный процесс, требующий огромного терпения, поэтому Дафне он всегда нравился больше, чем ее сестрам. Требуются время и усилия, чтобы переместить все штифты в створе замка, но нет ничего более приятного, чем наконец повернуть шпильки и отворить дверь.

Она вынимает их из замочной скважины и, зайдя в комнату, поспешно вставляет обратно в волосы. Ее предчувствие оказывается верным: это королевский кабинет – скромная комната, в которой главное место занимает дубовый стол, а стены украшены картинами в деревянных рамах, изображающими различные битвы, которые Дафна не может назвать. Но изображе-

ния на нескольких других небольших картинах прямо у стола ей знакомы: королева, молодая и розовощекая, юный принц Киллиан и Байр в возрасте шести или семи лет. Даже тогда он выглядел угрюмым, и сейчас словно смотрит на нее с картины.

Нельзя терять время зря. На столе только пачки бумаг, перо, чернильница и тяжелое мраморное пресс-папье. В большинстве ящиков нет ничего примечательного. Еще бумаги, приказы для торговцев, письма от кузена с севера, несколько оригиналов королевских указов, изданных за последнее десятилетие.

Ни один из ящиков не заперт, но и ни в одном из них нет королевской печати.

Она могла бы продолжить поиски, попробовать посмотреть в другой комнате, но уже почти утро, и дворец проснется в любой момент.

Вернув все на свои места, она выскальзывает из комнаты, возвращаясь в спальню, чтобы хоть немного поспать до рассвета.

Софрония

Свадьба состоится раньше, чем ожидала Софрония. Не успела она прибыть во дворец, как к ней подошли несколько служанок и облачили ее в золотое шелковое платье, которое село на ней идеально. У Софронии скопилась тысяча вопросов, но, пока ее торопливо ведут по позолоченным коридорам Темаринского дворца, у нее мало возможности их задать. Неожиданно для себя самой она так нервничает, что боится, сможет ли контролировать поток своих мыслей, если откроет рот.

В конце коридора стоят два гвардейца. Увидев приближающихся Софронию и слуг, они низко кланяются и распахивают расположенные за их спинами высокие двери с филигранной отделкой.

В королевской часовне собралось больше людей, чем Софрония может сосчитать, и все они одеты в изысканные наряды: узорчатые платья из яркого шелка, сшитые на заказ костюмы, украшенные золотом и серебром. На них столько драгоценностей, что, когда Софрония оглядывается по сторонам, у нее начинают болеть глаза. Этого почти достаточно, чтобы затмить ночное небо над головой, виднеющееся сквозь стеклянную крышу. Когда она поднимает глаза, то осознает поспешность своих выводов. Небо усеяно звездами, и видно множество созвездий, но Софрония находит среди них нечеткую форму Рук Влюбленных – созвездие, которое, как говорят, похоже на две сцепленные вместе руки, хотя она никогда не могла этого увидеть. Тем не менее, это знак романтики и единства, а также идеальное созвездие для заключения брака. Она уже видит, как с востока появляется Жалящая Пчела, а с юга наступает край Колеса Странника. Спустя несколько мгновений Руки Влюбленных исчезнут.

Проходя мимо сотен темаринских придворных и ощущая на себе их взгляды, Софрония быстро идет туда, где ее ждет Леопольд. Он одет в бело-золотой костюм с перекинутой через плечо желтой атласной лентой, а голову венчает золотая корона. С его загорелой кожей и блестящими бронзовыми волосами он словно отлит из золота.

Когда Леопольд был лишь смутной идеей, составленной из красивых слов на бумаге, она представляла себе этот момент чаще, чем могла признаться кому-либо, даже своим сестрам. Беатрис думала, что у нее закружится голова, если она поймает его взгляд, а когда они улыбнутся друг другу, остальная часть часовни просто исчезнет.

Но реальность не так романтична. Она гораздо лучше знает толпу вокруг, их тяжелые взгляды и бормотание, чем Леопольда. И даже когда он ловит ее взгляд и улыбается, это не приносит облегчения. Это все похоже на ложь.

Все в порядке, напоминает она себе. Это и есть ложь, и она сама – лгунья.

Софрония выходит вперед и приближается к Леопольду, а тот берет ее за руку. Она почти не слышит, как королевский эмпирей – Валент, помнит она из своих уроков, темаринская версия Найджелуса – произносит речь о партнерстве, единстве и блестящем будущем Темарина. Он кладет руки на их с Леопольдом плечи.

– Пришло время благословений, – говорит Валент, переводя взгляд с одного на другого. – Ваше Величество, чего вы желаете у звезд? – спрашивает он, когда его взгляд останавливается на Леопольде.

Леопольд отрывает взгляд от Софронии и, прочищая горло, смотрит на эмпирея.

– Я желаю, чтобы звезды подарили нам доверие и терпение, – говорит он уверенно.

Сердце Софронии спотыкается. *Доверие и терпение.* Это то, чего может пожелать на свадьбе крестьянин. На свадьбах дворян, на которые она ходила в Бессемии, не произносилось таких сентиментальных желаний – многие были прямолинейны и просто желали побольше детей, а другие желали богатства или мужества. Она слышала, что мужчины желают, чтобы их

жены оставались красивыми, а женщины желают, чтобы их мужья оставались верными. Но она никогда не слышала, чтобы кто-то желал доверия или терпения, не говоря уже о том и другом.

Внезапно то желание, которое она заготовила, начинает казаться слишком грубым: *«Я желаю, чтобы звезды даровали нам процветание»*. Его сформулировала для нее мать, подбрав такие слова, чтобы казалось, что они относятся и к их браку, и к Темарину в целом. Но сейчас они не кажутся подходящими. От этих слов веет холодом. Ее мать всегда говорила, что изменчивые планы – самые удачные.

– Я хочу, чтобы звезды даровали нам любовь, – говорит она, не сводя глаз с Леопольда. Как только слова срываются с ее губ, она беспокоится, что это был неправильный выбор, что это прозвучало слишком наивно или оторвано от реальности, что совсем не подходит королеве, которой она станет всего через несколько коротких мгновений. Но затем Леопольд улыбается, а собравшаяся толпа наполняет воздух вздохами и довольным бормотанием, и Софрония понимает, что влюбленная принцесса – именно то, что все хотят видеть.

Валент поднимает обе их руки к звездам и запрокидывает голову. Софрония видела, как это делал Найджелус, когда общался со звездами от имени ее матери.

– Звезды, благословите эту пару – короля Леопольда Александра Баярда и принцессу Софронию Фредерику Солунэ – доверием, терпением и любовью, и да соединятся они под вашим святым светом как муж и жена.

Раздаются громовые аплодисменты, Валент отпускает их руки, и Леопольд целует ее на глазах у всех. Это лишь целомудренное прикосновение губ, которое длится всего секунду, но этого достаточно, чтобы скрепить их клятву и сделать Софронию официально королевой Темарина.

После этого, на свадебном балу, Софрония восседает на троне рядом с мужем, который для нее скорее чужой, чем наоборот. Зал внизу заполняется придворными, танцующими в вихре драгоценностей и шелка и потягивающих шампанское из тонких хрустальных бокалов, а Софрония никак не может перестать украдкой поглядывать на Леопольда. В своих свадебных регалиях, ухмыляющийся, как дурак, он настолько красив и юн, что она никак не может поверить, что этот же человек несколько часов назад бросил в тюрьму несколько мальчишек.

Не подозревая об одолевающих Софронию мыслях, он берет руку жены в свою и целует тыльную сторону ладони, задерживаясь губами на шелке ее перчатки на мгновение дольше положенного.

– Ты всем довольна? – спрашивает он.

«Да», – должна сказать она. Но Софрония подозревает, что после всех писем, которыми они обменялись, Леопольд знает ее лучше, чем кто-либо, поэтому она предлагает ему часть правды.

– Это все немного давит, – она понижает голос до шепота. – Я приехала в Темарин только сегодня утром и уже его королева. И мы женаты. Несколько часов назад мы даже не были знакомы лично. Все произошло так быстро.

Леопольд слегка хмурится.

– Ты хотела, чтобы мы подождали? Я думал...

– Нет, – быстро отвечает она, предлагая ему улыбку, которая, как она надеется, достаточно ослепительна, чтобы замаскировать ложь. – Нет, я рада быть твоей женой и твоей королевой. Я так долго этого ждала. Просто все так сильно изменилось за такой короткий промежуток времени. Это все словно сон.

В ответ он улыбается и качает головой.

– Я понимаю, о чем ты, – говорит он, а затем делает паузу. – Помнишь, о чем я тебе рассказывал? Как родители взяли меня в поездку к границе с Селларией, чтобы познакомить с моим дядей Чезаре и кузеном Паскалем?

Софрония кивает. Паскаль будет мужем Беатрис, если, конечно, они еще не поженились. Она вспоминает, как сравнивала свои письма с письмами Беатрис, отмечая, как оба принца испытывали схожие чувства волнения и тревоги по поводу встречи друг с другом, хотя Леопольд написал Софронии пять страниц, а Паскаль едва заполнил одну.

– Я ждал этого несколько месяцев, – говорит Леопольд. – И вся неделя после встречи прошла в тумане. Я знаю, что было весело, и помню, как играл на пляже с Паскалем и прятался по ночам под праздничным столом, чтобы не ложиться спать, но все прошло так быстро. Сейчас у меня такое же ощущение.

Софрония закусывает губу. Это слова мальчика, который писал ей письма. Но этого мальчика не существует и ее тоже. По крайней мере, той Софронии, которую он думает, что знает. Если бы он ее знал – действительно знал – то с криком бы унесся прочь. Но, незнакомцы они или нет, это их свадьба, и она должна быть влюбленной молодой невестой.

– Тогда мы должны убедиться, что наслаждаемся каждым мгновением, – говорит она ему.

Леопольд усмехается и поднимается на ноги, увлекая за собой Софронию.

– Тогда потанцуем?

– Я уже думала, ты никогда не спросишь, – отвечает Софрония, следуя за ним в зал, и другие пары расступаются перед ними. Оркестр начинает играть глассант – любимую мелодию Софронии. Она замечает, что Леопольд наблюдает за ее реакцией.

– Ты сказал им сыграть ее во время нашего первого танца, – говорит она, и ее улыбка становится немного более искренней.

– Это же твоя любимая, – он кладет ладонь на изгиб ее талии, а второй берет ее за руку и поднимает их сцепленные вместе руки. Софрония кладет свободную ладонь ему на плечо, и они начинают кружиться по залу.

Такое ощущение, что она танцевала с ним уже сотни раз. Они прекрасно двигаются вместе, и, хотя Софрония за эти годы станцевала больше танцев, чем может сосчитать, это первый раз, когда ей по-настоящему комфортно с партнером.

«Любовь – это иллюзия и слабость, – любила говорить мать. – А я не потерплю слабости».

Софрония вздрагивает.

– С тобой все в порядке? – обеспокоенно спрашивает Леопольд.

– Да, – отвечает она слишком радостно. – Просто устала, это был тяжелый день.

Леопольд выглядит так, будто не совсем верит, но прежде чем он успевает на нее надавить, музыка заканчивается. Ее кто-то хлопает по плечу. Она поворачивается и видит мальчика лет четырнадцати с такими же бронзовыми волосами и острыми чертами лица, как у Леопольда.

– Хотел узнать, могу ли я пригласить на следующий танец мою новую сестру? – спрашивает он.

Софрония улыбается.

– Ты, должно быть, Гидеон, – она отпускает руку Леопольда, чтобы взять руку мальчика. – С удовольствием.

– Постарайся не отдавить ей ноги, Гид, – говорит Леопольд, быстро целуя Софронию в щеку и оставляя ее танцевать со своим братом.

Оркестр начинает играть гораздо более быструю дэвассе, и Софрония позволяет Гидеону вести себя быстрыми шагами и поворотами. Она в туфлях на каблуках, и он на пару дюймов ниже, но они неплохо справляются. К концу песни Софрония задыхается и у нее кружится голова. На следующий танец ее приглашает второй брат Леопольда, Рид. Ему едва исполнилось двенадцать, он все время безумно краснеет, дважды спотыкается о собственные ноги и трижды – о ее.

– Извини, – бормочет он, старательно глядя в пол. – Это первый бал, на котором мне разрешили присутствовать. Мне следовало уделять больше внимания урокам танцев.

– У тебя все получается, – уверяет она его. – На первом балу я опрокинула чан с пуншем и поскользнулась в луже. Всю неделю двор говорил только об этом.

Рид смотрит на нее и застенчиво улыбается.

– Я всегда хотел иметь сестру, – признается он.

– Значит, мы поладим, – говорит ему Софрония. – У тебя два брата, и ты хочешь иметь сестру, а у меня две сестры, и я мечтаю о брате.

Рид улыбается, и ей кажется, что он немного расслабляется. Когда музыка заканчивается, к ней подходит высокая статная женщина с темно-каштановыми волосами, зачесанными в большой, увенчанный скромной тиарой пучок. Даже без этого Софрония узнала бы ее по наброскам, сделанным шпионами ее матери: это королева Евгения, теперь уже вдовствующая королева.

Она вспоминает об инструкциях матери, конкретных указаниях о том, как подтолкнуть Темарин к войне с Селларией. *«Темарином правит Леопольд, но Евгения участвует в каждом его действии. Начни сеять напряжение с нее – многие жители страны так и не забыли своей ненависти к бывшей селларианской принцессе».*

Теперь, стоя перед Евгенией, Софрония не впечатлена. Она ожидала, что королева будет обладать той же энергией, что и императрица, что она будет излучать силу и власть. Но Софрония подозревает, что, не будь на ней короны, та просто слилась бы с толпой.

– Ваше Величество, – приветствует Софрония, делая реверанс.

– *Ваше Величество*, – отвечает вдовствующая королева Евгения, весело улыбаясь и тоже делая реверанс. Она смотрит на своего младшего сына: – Пожелай спокойной ночи, Рид. Пора спать.

– Да, мама, – Рид в последний раз кланяется Софронии и уходит.

– Моя дорогая, этот день, должно быть, отнял у тебя все силы, – говорит королева Евгения, уводя Софронию из зала. – Я послала Лео за водой для тебя, но, пока мы его ждем, может, составишь мне компанию?

– Звучит прекрасно, – отвечает Софрония, следуя за королевой Евгенией обратно к тронам. Слуга быстро приносит королеве Евгении еще один стул и ставит его рядом со стулом Софронии. Он выглядит роскошным и удобным, но Софрония прекрасно понимает, что год назад Евгении принадлежал тот трон, на котором теперь сидит она.

– Кажется, вы с Лео очень увлечены друг другом, – замечает королева Евгения.

– Я чувствую такое облегчение, – говорит ей Софрония, вспоминая, что вдовствующая королева когда-то была на ее месте, и знает, что благодаря этой схожести может заполучить ее симпатию. Она понижает голос до шепота, словно они две сплетничающие подруги: – Вы не поверите, какие мысли приходили мне в голову. Что он может оказаться отвратительным или жестоким, и что все это время письма мне писал его камердинер.

– Уверена, что у него были похожие мысли. Видят звезды, две декады тому назад, приехав сюда, я ощущала то же самое... Правда, облегчение было не столь велико.

Королева Евгения произносит эти слова осторожно, и Софрония смотрит на нее, нахмутив брови, как будто еще не знает, насколько несчастным был их брак.

– В своих письмах Леопольд упоминал, что с его отцом могло быть тяжело, – осторожно говорит она.

– В конце концов, мы начали понимать друг друга, – говорит королева Евгения. – Пускай романтики не было, но восхищение и уважение с годами лишь росли. – Она качает головой. – Не знаю, почему говорю тебе это. Наверное, просто хочу показать, что ты не одинока. Я была там же, где и ты сейчас, только еще моложе и замужем за человеком, которого боялась, в обще-

стве, полном людей, ненавидящих Селларию после десятилетия войны и ненавидящих меня за то, что я была с ней связана.

Софрония пытается представить, каково это – оказаться в четырнадцать лет в чужой и враждебной стране. Евгению воспитывали не так, как Софронию, которую с рождения обучали языку и обычаям Темарина, учили ориентироваться в политике и контролировать каждую ситуацию, в которой она может оказаться. Учили не только тому, как выжить в чужой стране, но и тому, как подчинить ее себе. А Евгения была просто девушкой, молодой, напуганной, отрезанной от всего и всех, кого она знала.

– Когда я была маленькой, – продолжает королева Евгения, – моя мать говорила мне, что королева всегда мечтает о сыновьях. Не только из-за наследования престола, но и потому, что это проще. Сыновья, в отличие от дочерей, могут остаться с тобой. Не думаю, что тогда я ее понимала, но после того, как мы попрощались на границе с Селларией, я больше никогда ее не видела.

Софрония вспоминает, как прощалась с собственной мамой всего несколько дней назад. Будет ли императрица скучать по ней, Дафне и Беатрис? Они разлучены всего на год, но это на целый год больше, чем когда-либо.

– Возможно, мне все-таки повезло, – говорит королева Евгения, одаривая Софронию улыбкой, напоминающей ей улыбку Леопольда. – У меня трое сыновей. Никого из них не отправят за границу, ни с кем из них я не буду разлучена навсегда. А теперь у меня есть и дочь.

Королева Евгения берет Софронию за руку и сжимает ее, вызывая у Софронии укол вины, но ей удается скрыть это за улыбкой.

– Я бы никому не пожелала своих первых лет здесь, в Темарине, Софрония, и сделаю все, что в моих силах, чтобы тебе было легче, чем мне.

Софрония ощущает ком в горле, и, смотря на их переплетенные руки, ей внезапно хочется плакать. Они знакомы с королевой Евгенией всего несколько минут, но она уже проявляет к Софронии большую привязанность, чем когда-либо проявляла ее собственная мать. Из-за этого предать ее будет намного сложнее.

Когда Софрония и Леопольд уходят с празднования и направляются в свои покои, уже светает. Она впервые видит свою новую спальню. Комната большая, а потолок такой высокий, что утопает в тенях. Стены, выкрашенные в мягкий кремовый цвет, дополняются золотой лепниной и мебелью из полированного дуба. Большая кровать с балдахином обтянута золотым шелком.

Кровать.

Во всем хаосе этого дня Софрония чуть ли не забыла о своих переживаниях. Теперь она замужняя женщина, и этот брак не считается официальным, пока не будет скреплен. Ее мать подчеркивала важность этого события так часто, что Софрония знает ее слова наизусть. Если они не скрепят свой брак, все остальное не будет иметь значения. Чем раньше это будет сделано, тем лучше.

– Наконец-то мы одни, – говорит Леопольд. Он берет ее за руку и притягивает к себе, целуя. Это не похоже на поцелуй во время свадебной церемонии – то было всего лишь быстрое прикосновение губ. Это – нечто большее. Леопольд целует ее так, словно хочет проглотить. Его руки обвивают ее талию, крепко прижимая к себе, и Софрония обнаруживает, что целует его в ответ, и даже наслаждается прикосновением его губ. Когда-то она мечтала об этом моменте.

Она знает, что последует дальше. Мать отправляла Софронию и ее сестер на уроки к куртизанкам, чтобы они были готовы к этой ситуации. Она знает все о механике этого действия, но когда его руки скользят по ее бедрам, вверх по изгибам талии, когда ее руки двигаются по собственной воле, погружаясь в его бронзовые кудри, когда ее губы прижимаются к его, словно она умрет, если он перестанет ее целовать...

Вдруг она вспоминает о тех ворах из леса – тех мальчиках. Она представляет, как они, испуганные, сбились в кучу где-то в холодной сырой тюрьме. Думает о крови и слезах народа Леопольда, народа, о котором он вообще не заботится. Он заботится о ней, это очевидно, но этого недостаточно, чтобы отбросить все остальное. Недостаточно, чтобы притупить отвращение, которое она испытывает, когда он прикасается к ней.

И поэтому Софрония заставляет себя прервать поцелуй и подносит руку к груди Леопольда, чтобы между ними появилось пространство.

– Мне очень жаль, – говорит она. – Был такой тяжелый день, я так устала. И мы еще совсем не знаем друг друга, так ведь? Мы можем... подождать?

Она почти уверена, что он скажет «нет» – куртизанки говорили ей и ее сестрам, что некоторые мужчины могут быть агрессивными, – но вместо этого Леопольд улыбается и целует ее в лоб.

– Не извиняйся. У нас есть остаток жизни, Софрония. Мы просто ляжем спать, – он кивает ей через плечо на одну из двух позолоченных дверей. – Твоя гардеробная там, в ней есть звонок, в который можно позвонить, чтобы вызвать горничную, и она поможет тебе переодеться в ночную рубашку.

Софрония наблюдает, как он уходит через дверь в свою гардеробную, и ее охватывает облегчение. Вскоре этот брак должен быть скреплен. Но не сегодня.

Беатрис

«Дама никогда не пьет до потери рассудка», – любила говорить ее мать. И в этих случаях ее взгляд обычно задерживался на Беатрис немного дольше, чем на ее сестрах. Словно откуда-то знала, что она всегда пила больше всех, хотя Беатрис не думает, что хоть раз напивалась до беспамятства.

Однако сейчас она ощущает, как грани ее разума размываются и он становится податливым и туманным. Она сидит в банкетном зале рядом со своим пугливым новым мужем, и через каждые несколько минут к ним подходят селларианские придворные, чтобы поздравить. И, как она подозревает, в поисках сплетен.

Принц Паскаль ерзал на протяжении всей свадебной церемонии. Он выкручивал руки, и, хотя его костюм сшит из легкой ткани, а воздух в часовне был прохладным, с него капал пот. Но хуже всего было то, насколько очевидно он колебался, когда сказал: «Да».

Беатрис – нежеланная жена, и все при дворе это знают. Ей нужно собраться с мыслями, и она понимает, что мать была права.

Ей не следует больше пить и непременно нужно что-нибудь съесть, но, когда слуга приносит ей бокал свежего красного вина, смешанного с ягодами и цитрусом, она делает еще один глоток. Потом еще один.

Если бы Дафна была здесь, она бы забрала бокал у нее из рук. Она бы сказала, что Беатрис занимается саморазрушением. И посоветовала бы ей сосредоточиться, потому что где-то в этой многолюдной толпе придворных находится лорд Савель – и чем раньше она с ним познакомится, тем лучше.

Но Дафны здесь нет, и Беатрис не хочет сосредотачиваться. Если она это сделает, то почувствует, как глаза придворных измеряют каждый ее дюйм, выискивая недостатки, из-за которых принц так безразличен к ней. Она станет осознавать шепот, те догадки, которые уже начались и которые будут становиться все более дикими и громкими. Эта ночь должна была пройти не так.

Беатрис разбирается в слухах, в том, как они действуют и как их запустить. Она знает, что правильной сплетни, используемой с точностью и в нужный момент, может быть достаточно, чтобы довести человека до гибели. Она сама может сделать это с изяществом, и это своего рода искусство. Но она не знает, что делать, когда это оружие направлено против нее самой.

Рядом с ней принц Паскаль допивает все тот же бокал мутного вина, который ему подали в самом начале, и, когда слуга предлагает снова его наполнить, он качает головой и отмахивается.

– Вам не нравится вино? – спрашивает она его, и это первые слова, которые они сказали друг другу с тех пор, как были объявлены мужем и женой.

Он обращает на нее взгляд и моргает большими карими глазами, словно забыл о ее существовании. Может быть, вино делает ее мягкой и сентиментальной, но он внезапно напоминает ей о щенке, который был у нее в детстве. Он всюду за ней следовал и всегда пялился на нее такими же мягким и озадаченным взглядом, а из его пасти постоянно доносилось слабое, жалостливое поскуливание.

Она почувствовала облегчение, когда Софрония взяла на себя ответственность за это создание. Они никогда это не обсуждали, но обе поняли: Софрония умеет заботиться о беспомощных существах, Беатрис – нет.

– Не особенно, – отвечает принц Паскаль, отводя взгляд и сосредотачиваясь на своих коленях. Он нервно перебирает руками, и теперь, когда на них нет перчаток, она видит, что он грызет ногти: они такие короткие и неровные, что кожа вокруг них тоже порвана.

Беатрис ждет продолжения, но понимает, что он не собирается вдаваться в подробности. Ей кажется, что теперь ей следует сказать что-нибудь остроумное, но за гулом вина не слышит собственных мыслей.

– Знаете, вы могли бы и улыбнуться, – говорит она прежде, чем успеет себя остановить. – Сделайте вид, что счастливы, чтобы люди перестали думать, будто я прячу заросли шипов между ног.

Принц краснеет – его лицо действительно становится красным, как вино в ее бокале.

– Никто так не думает, – бормочет он. – Поверьте, они шепчутся не о вас. Они шепчутся обо мне, и я к этому уже привык.

Беатрис закатывает глаза.

– Вы что, не понимаете, Ваше Высочество? Теперь мы женаты. Они шепчутся не только о вас, но и обо мне. Может быть, обо мне даже больше, потому что я незнакомка, иностранка и женщина, и это их забавляет. Так что, пожалуйста, улыбайтесь, смейтесь над моими шутками и делайте вид, что женитьба на мне – это не пытка.

Это заставляет его задуматься. Он хмурится, снова глядя на нее жалкими щенячьими глазами.

– Для меня это не пытка, – мягко говорит он. – Просто...

Прежде чем он успеет сказать больше, подходят еще двое, юноша и девушка примерно возраста Беатрис. Оба светловолосые и тонкокостные, из-за чего они похожи на набор фарфоровых кукол, которые хранят на высокой полке и на которые смотрят, но никогда не трогают. Несмотря на то, что он выше их по званию, принц Паскаль встает на ноги, когда они приближаются, а они делают поклон и реверанс словно между делом.

– Поздравляю, кузен, – говорит девушка, шагая к принцу Паскалю. Шлейф ее светло-голубого шелкового платья тянется по лестнице позади нее, словно всплеск ясного неба в летний день. Она берет его за руки и встает на носки своих украшенных драгоценностями туфель, чтобы поцеловать его в каждую щеку.

– Джиджи, Нико, – приветствует их принц, кивая по очереди девушке и юноше. – Я рад, что вы здесь.

– Как будто мы пропустили свадьбу века, – отвечает девушка, Джиджи, не скрывая ухмылки.

– И не будь грубым, Пас, познакомь нас со своей прекрасной невестой, – добавляет юноша, Нико.

Щеки принца Паскаля становятся ярко-красными, и он что-то бормочет двум новоприбывшим, указывая на Беатрис. Насколько она поняла, это брат с сестрой. Хотя в его бормотании сложно разобраться, она почти уверена, что их зовут Жизелла и Николо.

– Очень приятно, – говорит Жизелла, взяв Беатрис за руку и делая глубокий реверанс. – Но зови меня Джиджи, в конце концов, мы теперь семья.

Беатрис улыбается:

– Тогда ты должна называть меня Беатрис, – говорит она ей.

Николо идет еще дальше: когда он кланяется и целует ее руку, то задерживает на ней взгляд, а его губы прижимаются к тыльной стороне ее ладони на мгновение дольше положенного, но затем он выпрямляется.

– Я очарован, – говорит он. – Тебе повезло, Пас.

Принц Паскаль в ответ опять что-то бормочет, слишком тихо, чтобы можно было разобрать, но, по крайней мере, со своими кузенами он кажется немного живее. Николо требует еще фруктового вина, поэтому бокал Беатрис наполняется вновь. И еще раз. И еще.

Уже после полуночи Беатрис вводят в спальню, которую она разделит с принцем Паскалем. Ее разум приятно гудит, пока слуги поднимают и опускают ее руки и ноги, чтобы раздеть

донага и вновь облачить в мягкую розовую атласную ночную рубашку. Ей не хочется ничего, кроме как залезть в шикарную уютную кровать и поспать.

Но прислуга с самодовольными улыбками продолжает бросать на нее понимающие взгляды, и она вспоминает, что сегодня ее брачная ночь, и ей не суждено выспаться.

Беатрис знает, что произойдет. Ее мать объяснила это ей и ее сестрам, когда они были еще совсем маленькими, а в последние пару лет она узнала еще больше подробностей от куртизанок, которые давали им уроки соблазнения. Принцессы, конечно, должны быть девственными и чистыми, но это не означало, что они не могли научиться искусству сразить человека прикосновением к руке или заставить его влюбиться, находясь на другом конце комнаты.

Однако теперь она в сомнениях. Теория – это одно, но когда принц Паскаль в ночной рубашке заходит в спальню и все слуги, хихикая, как стая попугаев, выбегают из комнаты, она внезапно теряется и не знает, что делать.

«Поцелуй, – сказала ей однажды бессемианская куртизанка. – Начни с него».

После их первого неудачного поцелуя Беатрис должна бы насторожиться, но ее разум слишком затуманен вином, чтобы на чем-то сосредоточиться. Она знает лишь то, что должна его поцеловать, поэтому, спотыкаясь, идет к нему, ощущая босыми ногами холод мраморного пола. Она успокаивается, кладет руки ему на плечи и прижимается к его губам.

Она слишком пьяна, чтобы думать о том, что это плохой поцелуй. Не только потому, что он совершенно не отвечает, но и потому, что на самом деле она не хочет его целовать. Он отстраняется, кладет руку ей на талию, чтобы она не упала, и глубоко вздыхает. Паскаль явно хочет что-то сказать, но вместо этого просто вздыхает, покачивая головой.

– Ты пьяна, – говорит он ей. – Я помогу тебе лечь в постель.

Ее охватывает сначала облегчение, а затем смущение, Паскаль же в это время откидывает одеяло и сбрасывает на пол целую кучу декоративных подушек, после чего помогает ей лечь в кровать и накрывает одеялом, подоткнув его, как раньше делала ее няня. Веки такие тяжелые, что она сразу же начинает засыпать, но все еще слышит его отдаляющиеся шаги. Она ждет, когда он присоединится к ней.

Беатрис слышала предостережения о мужчинах, которым нравится, когда женщины беспомощны и не могут протестовать. Может быть, за этой застенчивостью, за всей этой неловкостью скрывается что-то более темное. В полусне она осознает, что задерживает дыхание, пока не слышит, как он ложится. Но кровать рядом с ней не прогибается. Беатрис заставляет себя перевернуться, но от вина у нее отяжелели конечности, и это требует больше усилий, чем она ожидала.

Когда она открывает глаза, то видит его лежащим на бархатном диване рядом с кроватью.

– Возьми хотя бы подушку, – ее собственный голос звучит словно издали. Она уже почти спит и с каждой секундой погружается в сон все глубже. – И одеяло.

Она засыпает прежде, чем узнает, слышал ли он ее.

Дафна

Дафна думала, что за чаем на следующее утро после ее прибытия будут только король и королева. Но вот она входит в гостиную и обнаруживает там и принца Байра, сидящего напротив своего отца за маленьким круглым столиком. Между ними находится королева Дарина, все они одеты в черное. Вида Байра, смотрящего на изящную фарфоровую чашку, почти достаточно, чтобы ее рассмешить, но он выглядит таким потеряннным, что она испытывает лишь жалость.

Когда Дафна входит в гостиную, король поднимается на ноги. За ним с опозданием следует Байр.

– Дафна, – говорит король Варфоломей. Он пытается улыбнуться, но безуспешно, и жестом показывает ей присоединиться к ним.

– Спасибо, что подумали обо мне в это трудное время, – говорит Дафна.

– Конечно, – король берет в руки свою чашку. – Я хотел сообщить вам, что из Бессемии прибыл новый брачный контракт, и вы с Байром можете его подписать. Я знаю, что все происходит очень быстро. Но в интересах Фрива решить этот вопрос как можно скорее.

«И в интересах Бессемии», – думает Дафна.

При упоминании имени принца королева Дарина всхлипывает и с грохотом, эхом разносящимся в безмолвном пространстве, ставит чашку с чаем на стол. Король Варфоломей кладет свою свободную руку поверх ее и крепко сжимает. Королева Дарина закрыла лицо черной вуалью, которая ниспадает до ключиц, позволяя видеть выражение ее лица, но оставляя его в тени. Дафна может разглядеть острые черты, белоснежную кожу и темные глаза, которые смотрят в пустоту.

– Я не уверен, что в стране когда-нибудь станет спокойно, – продолжает король Варфоломей. – Но судьба Фрива зависит от нас, поэтому мы должны закончить начатое. Байр, ты мой ребенок по крови и единственный, кто у меня остался.

– Согласно записке, написанной потаскухой, – вставляет королева Дарина резким, ломающимся голосом. Король вздрагивает, но стоит на своем.

– Это то, чего хотел бы Киллиан.

Дафна, возможно, мало что знает о Байре, но она знает, что это жестокая манипуляция. Байр становится чуть бледнее, однако через мгновение склоняет голову в знак согласия.

Король Варфоломей встает и проходит через комнату к письменному столу в углу, берет с него кусок пергамента и перо в чернильнице, после чего возвращается и кладет документ между Дафной и Байром.

– После смерти Киллиана страна затаила дыхание в ожидании своего будущего, – говорит король Варфоломей. – Я хотел бы заверить наших людей, что мы все еще здесь и знаем, как защитить Фрив не только на время моей жизни, но и на долгие годы вперед.

Дафна просматривает документ. Несмотря на сложную фривскую письменность, она понимает его достаточно хорошо. Документ похож на контракт, который ее мать в качестве опекуна подписала, когда Дафне было всего несколько недель от роду, и по которому они с Киллианом заключили помолвку. С тех пор она несколько раз его видела, а когда стала достаточно взрослой, чтобы понять написанное, мать давала ей почитать свой экземпляр.

«Не подписывай ничего, пока не изучишь вдоль и поперек», – шепчет в ее голове голос матери.

Дафна берет пергамент и внимательно его читает, но там все так же: описание альянса, положения о торговых путях, обещания поддержки в случае войны.

Когда Дафна заканчивает читать, то достает из чернильницы перо и подносит его к строчке, ожидающей ее подписи. Только тогда она смотрит на Байра, который настороженно следит за каждым ее движением.

Всего на секунду она колеблется. Ей не хочется связывать свою жизнь с его, не хочется называть его своим мужем.

Но принц есть принц, и она выполнит свой долг.

Она пишет свое имя угольно-черными чернилами и протягивает перо Байру.

Он не сразу берет его, и на мгновение она думает, что он может отказаться. И что тогда будет? Байр смотрит на нее, и Дафна пытается улыбнуться, успокоить его, возможно, соблазнить, но выражение его лица остается каменным и замкнутым, словно скрытый туманом шторм.

Наконец, он выдыхает и прижимает кончик пера к пергаменту, приписывая свое имя рядом с ее.

Она смотрит на их подписи: изящные петляющие буквы ее полного имени, «Дафна Тереза Солунэ, принцесса Бессемии», а рядом нацарапано просто «Байр» с поспешно добавленным после него «принц Фривский».

Король Варфоломей берет контракт и вынимает что-то из кармана пиджака. Когда он поднимает руку, Дафна вздрагивает – это печать. Золотая, тяжелая, размером с лимон, с длинной ручкой и плоским концом. Оттиск не виден, поэтому она наблюдает, как король помещает шарик воска под их подписи и на мгновение подносит печать к пламени свечи, позволяя ей нагреться. Когда, по его мнению, прошло достаточно времени, он вдавливая печать в воск. Дафна смотрит с восторгом. Она слышала о печати, но совсем другое дело – увидеть ее в действии. Король Варфоломей, должно быть, чувствует на себе ее взгляд, потому что поднимает взгляд и смотрит на нее.

– Изобретение Фергала, нашего придворного эмпирея, – говорит он ей, убирая печать и показывая контракт, чтобы она могла разглядеть. – Я так понимаю, у твоей матери тоже есть такая.

– Да, но она никогда не позволяла мне увидеть ее вблизи, – лжет Дафна.

– Нет? Вот, взгляни, это впечатляет.

Печать все еще теплая, блестящий желтый воск вдавлен в герб. В Полярную звезду, которую король выбрал для себя, когда взял Фрив под свой контроль. Звезда выглядит достаточно простой, чтобы ее подделать, но не это заставляет Дафну задуматься. В центре печати с желтым воском смешалось несколько багровых капель.

– Это для доказательства подлинности. Видишь здесь емкость? – он показывает на ручку печати. – В ней хранится запас моей крови, смешанной с щепоткой звездной пыли.

Он передает контракт Дафне, чтобы она могла увидеть печать вблизи. То, что издали выглядело как багровая капля, на самом деле блестящее, фиолетовое и напоминает синяк.

– Как кто-нибудь узнает, что это ваша кровь? – спрашивает Дафна. – Она может быть чьей угодно, разве нет?

– Лишь у троих людей есть такие печати: у меня, у короля Леопольда и, конечно же, твоей матери. Если кому-то из нас нужна будет проверка, эмпирей может дать ему немного звездной пыли. Теперь все официально, – продолжает он, переводя взгляд с Дафны на Байра. – Завтра вечером мы объявим Байра принцем, а через месяц вы поженитесь.

Месяц. Не идеально, но Дафна не может возразить. В любом случае, у нее не было бы на это шанса. Королева встает так внезапно, что ее чашка опрокидывается и слабый чай проливается на белую скатерть.

– Ты навлек это проклятие на всех нас, – говорит она королю Варфоломею, каждое ее слово пропитано ядом. – Это твоя вина. С таким же успехом ты мог убить нашего мальчика своими руками.

Она не дает Варфоломею возможности ответить, хотя, похоже, ему все равно нечего сказать. Вместо этого она поворачивается и уходит из комнаты. Траурная вуаль струится позади нее, словно дым.

Когда король Варфоломей устремляется за королевой, Дафна остается наедине с принцем Байром, и они погружаются в давящую, удушающую тишину.

– Я уверена, что королеве Дарине сейчас хуже всех, – говорит наконец Дафна. – Она не это имела в виду.

– Это, – отвечает Байр, не глядя на нее. – Она говорит то же самое уже несколько месяцев, с тех пор, как Киллиан заболел. Мой отец говорит, что она обезумела.

Дафна хмурится, запоминая его слова. Фрив – более суеверная страна, чем Бессемия, поэтому она не понимает, о каком проклятии говорила королева Дарина. Но, как сказал Байр, она обезумела. Дафна отталкивает эту мысль и вместо этого сосредотачивается на нем.

– Не каждый день бастард становится принцем, – говорит она, делая глоток остывшего чая.

Мгновение Байр молчит, но смотрит на нее так, словно у нее внезапно выросли рога.

– Мой брат мертв, – медленно произносит он. – И мне вдруг навязали его жизнь, его титул, его невесту, его положение.

– Я не это имела в виду, – быстро объясняет она. – У меня две сестры, и я не могу представить, через какой ад я бы прошла, если бы с ними что-нибудь случилось. Но однажды ты станешь королем, что было невозможно до сегодняшнего дня...

– Это то, чего я никогда не хотел, – прерывает он, качая головой. – Не вся жизнь вращается вокруг короны. Как бы тебе ни было трудно в это поверить, я не хочу становиться королем. Я был очень счастлив, оставаясь незаконнорожденным братом настоящего принца.

Дафне трудно в это поверить, но она понимает, что лучше ничего не говорить. Он уже считает ее снобом, и она не собирается доказывать его правоту.

– А чем бы ты тогда предпочел заниматься? – спрашивает она, не в силах сдержать насмешку в голосе.

Он моргает, его серебряные глаза не выдают никаких эмоций. Он качает головой.

– Это не имеет значения, не так ли? Мой отец прав – это мой долг, то, чего хотел бы от меня Киллиан. Но это не значит, что я должен радоваться.

Он встает, чтобы уйти, но она находит слова прежде, чем он подходит к двери. Если он хочет дуться из-за своей участи, у нее есть свои козыри в рукаве.

– Тебе никогда не приходило в голову, что это и мой долг? – спрашивает она, останавливая его. – Как бы тебе ни было трудно в это поверить, но я не очень хочу выходить за тебя замуж. Или за Киллиана, если уж на то пошло. Это стало моим долгом с тех пор, как мне исполнилось всего несколько недель, так что я доведу дело до конца. Но было бы намного проще, если бы ты не относился ко мне как к своему врагу.

Держась за дверную ручку, Байр останавливается, но не оглядывается на нее. Дафна ждет, пока он ответит, но через мгновение он только хмыкает и выходит, плотно закрывая за собой дверь и оставляя ее одну.

Дафна откидывается на спинку стула. Ее слова его зацепили, и это только начало.

Беатрис

Беатрис не понимает, что ее разбудило – грохот в голове или голоса, доносящиеся из-за двери ее спальни. Дверь их спальни, вспоминает она секунду спустя, открыв глаза и увидев моргающего принца Паскаля, просыпающегося на диване с натянутым до подбородка серым шелковым одеялом.

– Там люди, – говорит она хриплым и сонным голосом. – Чего они хотят?

Сказав это, она понимает, что они с ее новым мужем до сих пор сказали друг другу не больше дюжины слов. День накануне все еще кажется смутным сном, не до конца реальным, словно это была не ее жизнь. Часть ее ждала, что она проснется в своей детской постели в Бессемии под смех Софронии или фальшивое пение Дафны.

Но вот она, молодая невеста, в холодной постели с мужем, который, кажется, видит проблему в самом ее существовании.

Принц Паскаль теперь смотрит на нее так, будто она – какая-то загадка, которую он не в силах понять. Но когда он понимает, то садится прямо и выдыхает себе под нос целую цепочку селларианских слов. Она не совсем понимает, что они означают, но догадывается, что это проклятия, а не те слова, которым ее посчитал необходимым научить преподаватель.

Паскаль мгновенно вскакивает на ноги, начинает ходить по комнате и что-то искать.

– Ваше Высочество, вы еще не поднялись? – кричит снаружи мужской голос.

– Надеюсь, он сделал это несколько раз, – добавляет другой голос, за которым следует хихиканье.

– Чего они хотят? – снова спрашивает она его, сохраняя голос спокойным, даже когда в ее животе все скручивается узлом.

– Доказательство, – шепчет он в ответ, подходя к корзине с фруктами на столе у двери, берет гроздь красного винограда, грушу, банан и кладет их обратно.

– Доказательство? – выдавливая она.

Когда принц смотрит на нее вновь, его щеки краснеют.

– Доказательство того, что мы... – Он замолкает, глядя в сторону. – Доказательство того, что брак был скреплен.

Беатрис взволнованно на него смотрит.

– Я не думала, что кто-то все еще придерживается этой устаревшей традиции.

Паскаль гримасничает.

– Так и было, но несколько месяцев назад мой отец решил ее восстановить, – говорит он, беря клубнику. – Как ты думаешь, это подойдет?

Она качает головой.

– Слишком розовая, – она встает с кровати и стягивает одеяло. Простыни под ним – безупречно белые. Беатрис поворачивается к двери, где к грохоту голосов прибавились новые.

– Минуточку! – кричит она хриплым голосом. – Мы не совсем одеты.

– Уж надеюсь на это! – раздается в ответ мужской голос.

Беатрис смотрит на Паскаля и закатывает глаза, заставляя его на секунду улыбнуться, прежде чем он возвращается к вазе с фруктами.

– Ты уже такое видел? – спрашивает она его. – Как должны выглядеть эти простыни?

Он кивает.

– Пару раз. Беатрис... – Он делает паузу, словно понимая, что никогда раньше не произносил ее имени. В его устах оно звучит странно, неуверенно и немного испуганно. – Мой отец будет там. Если он поймет, что мы этого не сделали...

Он замолкает, но ему и не нужно заканчивать. В голове Беатрис уже возник водоворот возможностей. Все будут знать, что она потерпела неудачу, что ей не удалось привлечь мужа.

Она уверена, что мать узнает, и Беатрис съеживается, представляя ее реакцию. Все эти тренировки прошли впустую, скажет она. Беатрис столько времени провела среди куртизанок, изучая искусство обольщения, и не смогла соблазнить неуклюжего мальчика-принца. Что еще хуже, если король узнает, что брак не состоялся, у него будут основания аннулировать его и отправить ее обратно в Бессемию. Это было бы нелогично, но король Чезаре редко поступает разумно. Тогда мать Беатрис никогда не позволит ей забыть о ее неудаче.

Она выбрасывает эту мысль из головы и идет к столу из красного дерева в углу, хватая украшенный драгоценностями нож для открывания писем и подносит его к ладони.

– Если они хотят крови, мы дадим им кровь, – говорит она принцу Паскалю. – Сколько ее обычно?

Он берет у нее нож прежде, чем она успевает сделать надрез.

– Не слишком много. Это хорошая идея, но если у тебя будет порез, они заметят.

Она кивает.

– И что ты предлагаешь?

Принц упирается левой ногой в кровать, а правой рукой прижимает нож к задней части своей голени.

– Можешь оторвать кусочек от моей туники? И найти пару брюк?

Беатрис кивает и спешит к шкафу. В глубине она находит простую черную тунику и отрывает от подола полоску ткани. Поразмыслив, отрывает еще одну и хватая первую попавшуюся пару брюк.

Когда Паскаль делает небольшой порез на своей икре около дюйма длиной, Беатрис смотрит на него со смесью ужаса и восторга. От боли принц издает тихое шипение, затем протягивает ей окровавленный нож для писем чистой рукояткой вперед и собирает пальцами цветущие капельки крови. Он размазывает кровь по середине кровати, окрашивая белые простыни в малиновый цвет.

Принц проделывает это еще два раза, пока не становится доволен размером пятна, затем берет кусок ткани, который протягивает Беатрис, и завязывает его на порезе, а затем, чтобы скрыть повязку, натягивает брюки, которые она ему передает. Она оборачивает нож для писем во вторую полоску ткани и прячет его в ящик стола.

Готовый впустить толпу, Паскаль направляется к двери. Но чего-то не хватает. Беатрис вспоминает свои визиты в бордели, то, какими чистыми и аккуратными были их постели сначала, и как они выглядели, когда уходили.

– Подожди, – шипит она.

Он делает паузу и смотрит на нее, нахмурив брови. Она подходит к нему, поспешно расстегивая его тунику и снова застегивая так, чтобы пуговицы не совпадали с петлицами. Протянув руку, проводит руками по его черным волосам, взъерошивая их.

– Если мы собираемся это сделать, – говорит она ему, расплетая свою косу и приводя волосы в беспорядок, – то должны быть убедительными.

Паскаль кивает, мгновение рассматривает ее, а затем опускает рукав ее ночной рубашки так, чтобы правое плечо было обнажено.

– Хорошо, – говорит она, щипая щеки, чтобы они покраснели, после чего забирается обратно в кровать, стараясь не касаться кровавого пятна, и кивает Паскалю, чтобы тот открыл дверь.

Вваливаются гости – Беатрис кажется, что не меньше двадцати человек, – во главе с самим королем. Король Чезаре одет в красный шелковый камзол, его темно-каштановые волосы прилизаны и зачесаны назад, глаза сияют и становятся еще ярче, когда он переводит взгляд на Беатрис, которая снова натянула одеяло, прикрыв свои голые ноги и пятно крови, хотя, она уверена, и то, и другое через мгновение будут раскрыты. Она не стесняется своего тела, но чувствует, что ей положено вести себя именно так, поэтому играет свою роль.

– Надеюсь, вы двое хорошо провели первую брачную ночь, – произносит король, переводя взгляд с нее на сына.

Принц Паскаль под взглядом отца немного поникает, но ему удается кивнуть.

– Да, отец. Спасибо.

Король осматривает его: взъерошенные волосы, неправильно застегнутую рубашку. Он поджимает губы.

– Ну что ж, давайте посмотрим.

Паскаль кивает и спешит к Беатрис, чтобы помочь ей встать. Когда она берет его за руку, то чувствует, как он дрожит от ее прикосновения, поэтому сжимает ладонь, надеясь, что это его приободрит. Как только она поднимается и встает перед толпой мужчин в одной ночной рубашке, раздаются аплодисменты и свистки.

Беатрис никогда не была скромной – Дафна даже много раз называла ее бесстыжей, – но это другое. Теперь она выставлена напоказ, словно блюдо на съедение, и вдруг совсем не чувствует себя бесстыжей. Ее охватывает стыд, горячий и болезненный, и ей приходится бороться с желанием прикрыться.

Должно быть, принц Паскаль это замечает, потому что встает перед ней, стараясь как можно больше скрыть ее от взглядов. Он отодвигает одеяло, обнажая перед всеми пятно крови. Мгновение никто не говорит, и Беатрис затаивает дыхание, ожидая, что кто-то назовет это фальшивкой, поймет, что их брак не скреплен, что он недействителен.

Кажется, проходит целая вечность, но король хлопает сына по плечу и расцветает:

– Молодец, мой мальчик. Я не думал, что в тебе это есть. Конечно, с такой прекрасной невестой, как ты мог устоять?

Принцу Паскалю удается улыбнуться.

– Спасибо, отец.

– Тогда оставим вас наедине, – говорит король, снова глядя на Беатрис. От его взгляда у нее по коже бегут мурашки. – Я помню, каково это – быть молодым и влюбленным.

Когда король со свитой уходит и в комнате снова остаются только Беатрис и Паскаль, она со вздохом облегчения садится на край кровати.

– Это сработало, – говорит принц Паскаль словно самому себе и как будто не до конца в это верит.

– Это сработало, – повторяет она, глядя на своего нового мужа. – Но я не понимаю, зачем тебе это нужно. Ты явно не хотел жениться на мне, а теперь ты застрял, – добавляет она.

Он смотрит в пол, не в силах встретиться с ней взглядом.

– Это не так, – медленно говорит он. – Просто мы... мы же совсем друг друга не знаем?

– Не знаем, – соглашается она. – Но я и не ожидала, что будет такая возможность. Могу я звать тебя Паскаль?

– Ты можешь называть меня Пас, если хочешь. Большинство так и делает.

– Что ж, Пас. Сегодня мы смогли обмануть твоего отца, и, может, теперь еще несколько месяцев получится избегать сплетен при дворе. Но мы молоды и здоровы, и они ждут, что скоро появятся дети, – медленно говорит она.

Это блеф, потому что Селлария падет, и она вернется в Бессемию задолго до того, как ребенок пустит корни в ее утробе: в ее шкатулке для драгоценностей спрятаны пузырьки с травами. Но ей нужно, чтобы брак был скреплен. Ее мать ясно дала это понять. Никто не должен сомневаться в его законности.

Паскаль какое-то время молчит, но его кожа становится бледнее.

– Пас, – снова говорит она, заставляя его взглянуть на нее. Как и учили ее куртизанки, она делает свой взгляд смелым и заговорщическим, как будто они делятся секретом. Принц почти сразу отворачивается. – Ты ведь не хочешь ложиться со мной в постель, так? – спрашивает она его.

– Мы почти не знаем друг друга, – снова говорит он, и его щеки становятся красными.
– Это не имеет значения. Ты либо хочешь кого-то, либо нет. И ты не хочешь меня, – утверждает она.

Мгновение он не отвечает, глядя куда угодно, только не на нее.

– Ты очень медленно соображаешь, – наконец говорит он. – Кто-нибудь когда-нибудь говорил тебе, что это немного отталкивает?

– Постоянно, – отвечает она, пожимая плечами.

Мгновение он ничего не говорит, но, наконец, садится на диван, опустив локти на колени и подперев голову руками.

– Дело не в тебе. Поверь, ты, наверное, самая красивая девушка, которую я когда-либо видел, и все – абсолютно все – говорят, как мне повезло.

– Тогда в чем дело? – спрашивает она его. – Ты предпочитаешь блондинок? Я слышала, что девушки используют лимонный сок для осветления волос...

– Нет, дело не в этом, – обрывает он.

Секунду Паскаль выглядит так, будто хочет что-то сказать, но быстро меняет решение и закрывает рот, прикусывая нижнюю губу чуть ли не до крови. Он снова выпрямляется и поднимается на ноги.

– Ты права, – говорит он ей. – Мы не можем продолжать эти прятки вечно. Скоро мы попробуем. Мне просто нужно время.

Беатрис кивает.

– Было бы здорово, если бы ты не говорил об этом, как о битве, к которой надо подготовиться, – говорит она ему с, как она надеется, ободряющей улыбкой. – Судя по тому, что я слышала, большинство людей находят это довольно приятным.

Он пытается улыбнуться ей в ответ, но улыбка не доходит до глаз. Она понимает, что все его улыбки такие мимолетные и так быстро исчезают, что их невозможно увидеть по-настоящему.

– Тогда увидимся за завтраком, Беатрис.

– Трис, – говорит она ему, заставляя его остановиться.

Он поворачивается, чтобы посмотреть на нее, нахмутив брови.

– Прошу прощения?

– Если я буду называть тебя Пас, ты можешь называть меня Трис. Так делают только мои сестры, но, видимо, теперь мы с тобой семья.

Мгновение он это обдумывает, а затем кивает.

– Увидимся за завтраком, Трис.

Одевшись в новое платье из сапфировой и золотой парчи, Беатрис в сопровождении прислуги направляется в банкетный зал на завтрак. Ее мысли – это путаница слов Паскаля и разрушенных ожиданий матери. Если сплетни о ее холодном брачном ложе доберутся до Бессемии, то ее мать будет разгневана. А она знает, что, если об этом не позаботиться, такое рано или поздно случится.

Соблазнение – это то, в чем Беатрис должна была преуспеть больше, чем любая из ее сестер. Как она может провалиться?

Паскаль сказал, что попробует, напоминает она себе, но, судя по тому, чему ее учили, человек не должен заставлять себя это делать. И то, как он смотрел на нее... Как будто она ужасное существо или чаша с отравленным вином. Может, пару раз – как на друга. Но ни разу – как на любовницу.

Она задается вопросом, замечают ли слуги, что ее охватила неуверенность. Есть ли в ее глазах что-то, говорящее, что ее девственность еще при ней – ценный атрибут для невесты, но недостаток для жены.

Сразу при входе в банкетный зал Беатрис замечает Паскаля, стоящего с молодым дворянином, которого она смутно узнает. У юноши светло-каштановые волосы и быстрые голубые глаза, которые сияют, когда он смеется над чем-то, что говорит Паскаль. Но ее взгляд задерживается на мальчике лишь на мгновение.

Однако Паскаль не может отвести глаз. Он улыбается – искренне улыбается, – и это совсем не тот мимолетный призрачный улыбки, который она видела до этого.

И то, как он смотрит на юношу... она знает этот взгляд. Беатрис надеялась, что так он будет смотреть на нее, когда они впервые встретятся на ступенях дворца или во время свадебной церемонии, или даже сегодня утром, когда она прямо спросила его, хочет ли он ее.

Кусочки головоломки встают на свои места, и она понимает.

Софрония

Первые несколько дней Софронии в качестве королевы Темарина проходят как в тумане. Так много знати, с которой нужно встретиться, так много мероприятий, которые нужно посетить, так много задач, которые нужно контролировать. Она настаивает на том, чтобы самой опросить свою прислугу: она не настолько глупа, чтобы полагать, что сможет не пропустить ни одного шпиона, но, по крайней мере, очень постарается выяснить, на кого они работают. Следом идет примерка платья, где ее протыкают иглами и измеряют каждый дюйм тела.

Софрония всегда ненавидела примерку платьев – это вынуждает ее критично относиться к своей фигуре, думать о том, насколько она полнее, чем ее сестры. Теперь, в Темарине, она чувствует взгляд швеи и ее помощников. Они оценивают и измеряют ее, пока она стоит на пьедестале в нижнем белье. Швея выкрикивает числа, которые нужно записать, и Софрония ощущает, как каждое из них режет ее, словно кинжал. Она ждет приговора, ехидных взглядов и шепота, но вместо этого, после того, как проходит, кажется, целая вечность, швея устремляет на нее откровенный взгляд.

– Вам очень повезло, – говорит она ей. – Немногие девушки могут справиться с темаринским желтым, но вам он подойдет.

Софрония моргает.

– Вы уверены? – спрашивает она. Темаринский желтый – яркий оттенок, цвет крыла канарейки. – Может быть, что-то более темное, что будет стройнить?

Швея усмехается.

– Вы хотите казаться меньше? – спрашивает она, качая головой. – Вы королева. Почему бы вам не занять каждый дюйм, который только можете? Нет, я думаю, вам пойдут эти цвета: темаринский желтый, варилский синий... Я только что получила просто божественный шелк из Селларии цвета настоящего граната, он будет эффектно на вас смотреться. Что думаете?

Софрония прикусывает губу и отводит взгляд от швеи, чтобы женщина не увидела, насколько она тронута всего несколькими словами. *«Почему бы вам не занять каждый дюйм, который только можете?»* Слова отзываются эхом в ее голове, словно память пытается высечь их на камне.

– Делайте как посчитаете нужным, – говорит она.

Примерка занимает большую часть дня, и когда Софрония возвращается в свою комнату, она уже устала смотреть на ткани и примерять бесчисленные муслиновые макеты платьев. Но при виде конверта на кровати ее настроение поднимается. Она сразу хватается за него, и сургучная печать говорит о том, что это от Беатрис. Софрония ломает печать и читает:

Дорогая Софрония,

Я пишу это тебе как замужняя женщина и надеюсь, что ты также замужем. Селлария прекрасна. Хотела бы я прислать тебе несколько удивительных пирожных, но боюсь, они не переживут путешествия на север. Напиши мне в ближайшее время.

Твоя сестра, Беатрис

Софрония сразу понимает, что сообщение Беатрис зашифровано, хотя бы потому, что оно написано совсем не в ее духе. Однако, прежде чем она успевает его расшифровать, вбегает горничная, чтобы напомнить, что ей пора на чаепитие с вдовствующей королевой и герцогиней Бруной, которая сопровождала Софронию в ее путешествии. С легким раздражением она кладет письмо в ящик стола, чтобы вернуться к нему позже, и следует за горничной к двери.

За три дня, что прошли со свадьбы, она почти не видела Леопольда. За несколько недель до похолодания он, его братья и несколько их друзей отправились в новый королевский охотни-

чий домик в Амивельском лесу, который, как сообщили шпионы ее матери, Леопольд построил после разорения деревни, когда-то стоявшей на том месте. Они до сих пор не скрепили брак, и Софрония обнаруживает, что ее это одновременно и беспокоит, и радует.

В отсутствие Леопольда королева Евгения взяла Софронию под свое крыло, водила ее по обедам, по музыкальным вечерам и на ежедневные прогулки по саду для того, что вдовствующая королева любит называть часом сплетен.

Софрония считает, что ее первое впечатление о королеве Евгении как о блеклой женщине не совсем верно. Евгения использует свою силу иначе, чем мать Софронии, более тихо. Она никогда не повышает голос и не теряет улыбки, и большинство ее сражений вежливо ведутся за чаем, но в этих битвах она всегда побеждает. Это правда, что большинству при дворе она не нравится – Софрония видела взгляды и слышала несколько перешептываний даже за последние несколько дней, – но все эти люди зависят от ее доброй воли, и они, кажется, это понимают.

Королева Евгения без труда ведет дела даже без Леопольда. Многие из обедов и чаепитий, которые они посещают, – это лишь предлоги для дам и господ, принимающих их, чтобы просить об одолжении, которое, по всей видимости, должно быть выполнено королем. Граф и графиня Кампари просят у короны ссуду для восстановления летнего дома графа после того, как его подожгли вандалы из соседней деревни. Лорду Ньювесу и лорду Тревалоу нужно решение о том, где проходит граница между их землями. Леди Уиттем хотела бы, чтобы любовницу ее мужа выгнали из двора.

Независимо от того, насколько велика или мала жалоба, королева Евгения решает этот вопрос, и обычно с помощью денег.

Софронии любопытно узнать, что герцогиня Бруна попросит сегодня у вдовствующей королевы, и еще более ей интересно, как королева Евгения справится с этим.

– Скажите, Ваше Величество, вы уже привыкли к жизни здесь, в Темарине? – спрашивает герцогиня Бруна у Софронии, откинувшись на спинку кресла, пока ее горничная – Виоли, девушка из Бессемии – наливает чай в три изящные фарфоровые чашки, расписанные золотыми солнцами, символом королевской семьи Темарина. Герцогиня Бруна – сестра покойного короля, о чем она любит напоминать людям при любой возможности.

– О, думаю, вполне, – отвечает ей Софрония, поднимая чашку, чтобы сделать глоток чая. – Поскольку мы с Леопольдом были обручены с младенчества, моя мать позаботилась о том, чтобы я выросла как в бессемейских, так и в темаринских традициях. Как ни странно, когда приехала сюда, мне показалось, словно я вернулась домой. И, пожалуйста, зовите меня Софи. Теперь мы семья, не так ли? – спрашивает она, предлагая герцогине Бруне улыбку, которую можно было бы назвать бесхитростной, если бы она не потратила бесчисленные часы перед зеркалом, репетируя ее.

Герцогиня Бруна наклоняется через стол, чтобы погладить Софронию по руке:

– Какая ты милая девушка, Софи. И ты должна называть меня тетя Бруна, как и Леопольд. У тебя в Бессемии нет тетушек или дядюшек?

– Боюсь, что нет. Оба моих родителя были единственными детьми.

– Понятно, – с ухмылкой произносит герцогиня Бруна, откидываясь назад и глядя на королеву Евгению. – Так говорит твоя мать, хотя из того, что я слышала, никто даже не знает, кем были ее родители. У нее могли быть братья и сестры по всему континенту, и никто не узнал бы.

– Не будь такой гадкой, Бруна, – говорит королева Евгения. – Императрица Маргаро – мать Софронии и бабушка моих будущих внуков. Я не потерплю грубых замечаний.

Герцогиня Бруна закатывает глаза, а королева Евгения делает вид, что не замечает этого, и успокаивающе улыбается Софронии. На протяжении многих лет Софрония слышала о своей матери гораздо худшие вещи, но она тронута попытками вдовствующей королевы защитить ее от них. Она помнит слова королевы Евгении на свадьбе: когда она стала молодой королевой при

чужом дворе, люди относились к ней жестоко. Теперь она заботится о том, чтобы Софронии было легче.

«Начни сеять напряжение с нее». Слова императрицы возвращаются к Софронии вместе с уколом вины, который она быстро отталкивает. Да, королева Евгения была к ней добра, но Софрония верна только Бессемии.

– Эти пирожные выглядят чудесно, тетя Бруна, – говорит Софрония.

Она берет с расписной фарфоровой тарелки одно из них, размером с наперсток, и поднимает его, чтобы рассмотреть. Оно нежно-матовое, напоминает розовую розу в самом ее цветке. Когда Софрония откусывает кусочек, то чувствует вкус розы с намеком на что-то еще. Может, фисташки? Она останавливает ход этих мыслей. Когда мать обнаруживала Софронию прячущейся на кухне с кондитером, то всегда говорила, что выпечка – неподходящее времяпрепровождение для принцессы. И, по всей видимости, королеве это занятие подходит еще в меньшей степени.

– Я получила письмо от моей сестры Беатрис, – продолжает Софрония, глядя на королеву Евгению и вспоминая письмо, которое она еще не расшифровала. – Она говорит, что пирожные в Селларии просто удивительны. Это так?

– Вовсе нет, – без промедления отвечает королева Евгения. – Все в Темарине намного превосходит то, что можно найти в Селларии.

Герцогиня Бруна смеется.

– Кроме того, селларианцы считают использование звездной пыли самым тяжким грехом, поэтому я не склонна доверять их опыту в области удивительного.

Королева Евгения тоже смеется, но Софрония замечает напряженную дрожь в ее губах.

– У нас с тетей Бруной было настоящее приключение по пути в город, – говорит Софрония, меняя тему. – На нас напала банда грабителей.

– Да, я слышала, – тяжело вздыхает королева Евгения. – К сожалению, в наши дни это не редкость.

– Головорезы, – усмехается герцогиня Бруна. – К счастью, мы были близко к месту встречи, Леопольд услышал шум и сразу же приехал, чтобы увезти этих ужасных существ в тюрьму.

– Так и было, – говорит Софрония, и ее взгляд невольно устремляется в ту часть комнаты, где стоят слуги, находя Виоли лишь для того, чтобы увидеть в ее глазах свое собственное лицемерие. Она заставляет себя вновь обратить взгляд на вдовствующую королеву.

– Я призывала Леопольда проявить к ним милосердие, – осторожно произносит она. – Когда с них сняли маски, стало ясно, что они просто мальчишки, примерно того же возраста, что и Гидеон с Ридом.

– Ты очень добра, но они были ворами, Софи, – говорит королева Евгения.

Софрония мягко улыбается.

– Да, это именно то, что сказал Леопольд. Я уверена, вы правы. Я новичок в этих вещах, – отвечает она, закусывая губу, прежде чем нанести удар. – Кажется, это слегка... по-селлариански, не так ли? Сажать детей в тюрьму из-за чего-то столь банального? В конце концов, никто не пострадал. При желании вы могли бы рассматривать это как плохо продуманную шутку.

Она говорит это легко, кладя в рот еще одно крошечное пирожное и делая вид, что не замечает, как краснеет шея королевы Евгении или как глаза герцогини Бруны блестят радостной злобой. Софрония готова поспорить, что к обеду весь дворец будет шептать, что политика королевы Евгении немного селларианская?

– Я уверена, у тебя в Бессемии тоже есть воры, Софи, – говорит королева Евгения, напряженно улыбаясь. – Как с ними поступают там?

Софронии приходится прикусить язык, чтобы не сказать, что в Бессемии налоги достаточно низки и воры не становятся настолько отчаянными, что нападают на королевскую карету. Вместо этого она пожимает плечами.

– Это полностью зависит от обстоятельств, – это не совсем правда, но она сомневается, что другие женщины знают об этом. – И, если жертва преступления не желает выдвигать обвинения, дело закрывается.

Она встречает взгляд королевы Евгении и мгновение выдерживает его, не позволяя глупой яркой улыбке сойти с лица. С тем же успехом они могли бы обсуждать погоду, а не преступление и наказание.

– Что ж, мы не в Бессемии, – говорит королева Евгения, и ее голос становится резче, так что Софрония снова чувствует себя маленькой девочкой, столкнувшейся с руганью матери. – И мы не в Селларии, если уж на то пошло. Мы в Темарине, где преступники получают по заслугам.

– Конечно, – легко отвечает Софрония. – Как я уже сказала, я новичок во всем этом. Надеюсь, вы не возражаете, если иногда я буду задавать вопросы.

– Вовсе нет, – отвечает королева Евгения, хотя ее тон ясно дает понять, что она весьма равнодушна к вопросам Софронии, и даже герцогиня Бруна с неловкостью переводит взгляд с одной на другую.

– Еще чай? – спрашивает она, показывая на Виоли, которая бросается наполнять их чашки. Она делает это в спешке, и горячий чай из чайника капает на колени герцогине Бруне.

– Дура! – визжит герцогиня, вскакивает на ноги и так сильно бьет Виоли по лицу, что звук эхом разносится в тихой комнате. Виоли откидывается назад, ее рука взлетает к ее красной щеке, но в целом она не выглядит удивленной.

– Мне очень жаль, ваша светлость, – бормочет она.

– Это платье из шелка, привезенного из ольховых гор. Ты хоть представляешь, сколько оно стоит?

– Нет, ваша светлость, – тихо отвечает Виоли. – Но я уверена, что смогу вывести пятно.

– Тебе лучше на это надеяться – в противном случае стоимость будет покрываться за счет твоей зарплаты! – кричит женщина.

Софрония не знает, сколько платят Виоли, но она думает, что ей потребуются годы, чтобы оплатить стоимость платья. Когда она снова ловит взгляд Виоли, глаза девушки широко раскрыты от страха и наполнены непролитыми слезами. Держа чайник трясущимися руками, она спешит обратно в свой угол.

Софрония знает этот взгляд, она сама довольно часто была его обладательницей в Бессемии, когда становилась мишенью вспыльчивости матери, хотя мать никогда и не была дочерей. Софрония заставляет себя вернуться к разговору с герцогиней Бруной и королевой Евгенией, тема которого сменилась на сплетни о том, муж какой-то дворянки оказался в компрометирующем положении со своим камердинером, но ее мысли находятся в другом месте.

Когда Софрония и королева Евгения после чая возвращаются в королевское крыло, Евгения берет Софронию за руку и притягивает к себе.

– Я была бы признательна, если бы ты говорила более осторожно, – говорит она более мягким тоном, чем ожидала Софрония. Она боялась долгих разборок, которые, несомненно, устроила бы ее мать. Однако голос королевы Евгении звучит несколько озабоченно, но не сердито.

– Герцогиня Бруна всегда ненавидела меня. Сейчас она меня терпит, потому что живет за счет близости к короне на те деньги, что ей выделяют. Но она всегда ищет оружие, чтобы использовать против меня.

Софрония хмурится, как будто ей не приходило это в голову, как будто она не изучала герцогиню Бруну уже много лет.

– О, я не знала. Какое оружие у нее может быть против вас?

Королева Евгения улыбается и гладит Софронию по руке.

– Против нас, – поправляется она. – Темарин не любит посторонних. О, ты им нравишься больше, потому что они не воевали с Бессемией с тех пор, как получили независимость от Бессемийской империи, но не заблуждайся – они всегда будут видеть в тебе постороннюю.

В ее словах есть смысл. Настолько, что Софронии внезапно становится стыдно за попытку ее подставить. «*Бессемия превьше всего*», – напоминает она себе и меняет тактику.

– Мне очень жаль. Я просто продолжаю думать об этих мальчиках...

– Об этих ворах, – поправляет королева Евгения.

Софрония делает вид, что колеблется, прежде чем кивнуть.

– Ты слишком добрая, – снова говорит королева Евгения. – Но тебе не о чем беспокоиться. Я уверена, что эти мальчики уже на свободе и вернулись к своим семьям. – Она смеется над удивленным выражением лица Софронии. – Чего ты ожидала, моя дорогая? Что мы их казним? Как ты и сказала, они просто дети, хоть и преступники.

Именно этого Софрония и ожидала, и ей удается облегченно улыбнуться. Но не все ее переживания утихли. Она не может забыть звук прикосновения руки герцогини Бруны к щеке Виоли, красный след, оставшийся после этого, слезы на глазах у девушки.

– Я начинаю понимать, что вы имели в виду, когда говорили о вашей тоске по дому, – говорит Софрония, тщательно подбирая слова. – Не то чтобы мне не нравился Темарин, я здесь действительно очень счастлива, но есть вещи, которых мне не хватает вдали от Бессемии. Думаю, я не осознавала этого, пока не заговорила с горничной герцогини Бруны. Вы же знали, что она из Бессемии?

– Мне показалось, я уловила акцент, – королева Евгения искоса поглядывает на нее.

Софрония качает головой.

– Я знаю, что мне повезло больше, чем вам, и слышала, что вы даже не говорили на этом языке, когда приехали сюда. Я изучала темаринский язык одновременно с бессемианским, когда росла, так что это моя вторая натура. Но все же было приятно несколько минут поговорить с Виоли на моем родном языке. Тем более, как вы и сказали, я должна публично отдалиться от родины. Вы думаете... О нет, я не могу спросить.

Она делает смущенный вид и отворачивается.

– Спроси, Софи, – говорит королева Евгения.

– Как вы думаете, насколько сильно разозлится Бруна, если я найму себе ее горничной? – спрашивает она. – Просто... было бы неплохо окружить себя чем-то знакомым.

Королева Евгения пристально смотрит на нее.

– Невозможно спасти каждую горничную с жестокой госпожой.

– Я знаю, – быстро отвечает она.

Королева Евгения глубоко вздыхает.

– Думаю, она будет немного обижена, хотя держу пари, что наняла бессемианскую горничную только для того, чтобы тебе понравиться, так что ей некого винить, кроме себя. И, честно говоря, я достаточно мелочна, чтобы немного порадоваться ее раздражению. Сделай ей подарок – я знаю, что моя невестка особенно любит рубины, – и уверена, что она тебя быстро простит.

Софрония кивает:

– Спасибо, королева Евгения.

Женщина отмахивается от этих слов.

– Мы не можем называть друг друга королевами, Софи. Это ужасно сбивает с толку. Зови меня Джен.

Когда Софрония возвращается в свою комнату после ужина в тот вечер, то находит Виоли в кресле у камина. Она сидит с иглой в руке и одним из новых платьев Софронии на коленях,

но не шьет. Ее глаза смотрят вдаль, в огонь, но когда она слышит, как входит Софрония, то спешит подняться на ноги и делает реверанс.

– Добрый вечер, Ваше Величество, – говорит она.

– Добрый вечер, – немного удивляется Софрония. Она попросила другую горничную доставить ее платье вместе с рубиновым браслетом от королевского ювелира сразу после чая, и не ожидала, что Виоли переведут к ней так быстро. Взгляд Софронии падает на платье, которое держит Виоли. Она переключается на бессемианский и, лишь заговорив, осознает, насколько ей этого не хватало.

– С ним что-то не так?

Виоли смотрит на платье и краснеет.

– Нет, совсем нет, – говорит она. – Просто... горничная, которую понизили, чтобы освободить для меня комнату, то и дело порхает взад и вперед, бросая на меня злые взгляды, и я хотела чем-то заняться, но сейчас никаких дел нет, так что...

Она замолкает, и Софрония улыбается.

– Так что ты притворилась, что зашиваешь новенькое платье? – заключает она. – Умно.

– Спасибо, – благодарит Виоли, не колеблясь. – Я имею в виду, за то, что наняли меня.

Софрония кивает.

– Приятно видеть рядом кого-то из Бессеми. Это заставляет меня немного меньше тосковать по дому. Ты, должно быть, тоже немного по нему скучаешь.

– Немного, – признается Виоли. – В основном я просто скучаю по маме.

Софрония задается вопросом, на что это должно быть похоже. Она думала, что может скучать по императрице, но по большей части чувствует облегчение, не видя ее каждый день.

– Ой, – говорит Виоли, кладя платье на подлокотник кресла. – Король Леопольд вернулся всего несколько минут назад и передал вам просьбу сопровождать его завтра днем. У вас есть время после обеда с леди Энид и графиней Франческой и до приветственного банкета для сэра Диаполио.

– Певца из Селларии? – удивленно спрашивает Софрония, прежде чем вспомнить, что он приехал дать концерт. – О да, я с нетерпением жду этого. Говорят, его голос – подарок звезд. Скажи Леопольду, что я хотела бы присоединиться к нему на прогулке. Было что-нибудь еще?

– Вам пришли письмо и посылка, – говорит Виоли. – Я оставила их на вашем столе. Посылка от вашей сестры из Фрива, а письмо – от вашей матери.

Софрония с благодарностью улыбается и идет к своему столу, где, скрытое от глаз, лежит письмо Беатрис. И посылка, и письмо, похоже, уже открыты – очевидно, ее мать была права, когда так беспокоилась о кодах и скрытых сообщениях.

– На этом пока все, – говорит Софрония Виоли, садясь за свой стол. – Я позову, если ты понадобишься.

Виоли делает быстрый реверанс и выскальзывает из комнаты, закрыв за собой дверь. Софрония переводит взгляд с посылки на письмо и решает начать с посылки.

Когда она развязывает ленту и приподнимает крышку, ее охватывает беспокойство – Дафна не могла успеть украсть печать короля Варфоломея, так ведь? Софрония только начала сеять напряжение между Селларией и Темарином! Конечно, Дафна вполне могла опередить ее. Скорее всего, она не теряет времени, пропагандируя милосердие к ворам.

Тем не менее, когда она убирает крышку с коробки и находит книгу, то вздыхает с облегчением. Даже Дафна не могла скрыть что-то размером с печать в такой маленькой книге. Она открывает сопроводительное письмо, просматривая слова сестры.

Принц Киллиан мертв. На самом деле это не так уж удивительно, учитывая сообщения о его здоровье, но Софрония все равно испытывает от этого шок. Хотя Дафна, кажется, уже оправилась и сохранила свое положение, обручившись с принцем Байром.

Софрония берет книгу и вертит ее в руках.

Она сразу же замечает на корешке швы, которые явно были сделаны ее сестрой, поэтому берет нож для писем и разрезает их, находя там второе, спрятанное письмо. Его содержимое так похоже на Дафну, что заставляет сердце болеть, и она думает, что могла бы отдать все, лишь бы оказаться сейчас со своей сестрой.

Письмо от ее матери должно быть куда более серьезным, и Софрония пока не может заставить себя открыть его. Вместо этого она лезет в стол и вынимает письмо Беатрис, решая сначала расшифровать его. Шифр немного небрежен – это никогда не было сильной стороной Беатрис, – но Софрония знает свою сестру достаточно хорошо, чтобы выстроить текст в единое целое. Судя по всему, Беатрис еще не скрепила свой брак, и этот факт заставляет Софронию чувствовать себя немного лучше в связи с ее собственной неудачей в этой области.

Сделав над собой усилие, Софрония откладывает письма сестер и книгу, берет конверт с печатью матери и разрывает его. Она просматривает короткое письмо, с самого приветствия понимая, что это фарс. «Моя дорогая дочь». Конечно, Софрония никогда таковой не была. Все остальное – пустая болтовня, поздравления со свадьбой, теплые пожелания на будущее, ласковые слова. Но взгляд Софронии ловит последнюю строчку: *«Никогда не сомневайся, что моя любовь к тебе ярче палящего солнца».*

Палящее солнце – ключ к разгадке. Софрония глубоко вздыхает и подносит письмо к зажженной свече на своем столе, но держит его вне досягаемости пламени. Рядом с теплом поверхность бумаги темнеет, и наверху появляются бледные буквы другого сообщения.

Найди сэра Диаполио, он передаст от меня небольшой подарок.

Дафна

Приглашая Дафну за покупками, леди Клиона назвала Уоллфрост-стрит модным районом, и Дафна ожидала чего-то вроде модного района Хапантуаль: целые кварталы, занятые яркими, сияющими витринами и еще большим количеством мастеров, продающих товары с уличных тележек и выкрикивающих о своих новинках, чтобы переманить клиентов. Но Уоллфрост-стрит – это одна-единственная улица, занятая опрятными и аккуратными магазинами, но явно лишенными блеска.

– Я не понимаю, почему это не могло ждать, – говорит Дафна, сидя на лошади и глядя вверх на серое небо. – Похоже, проливной дождь готов начаться в любой момент.

Едущая рядом на лошади Клиона фыркает. За ними едут четверо гвардейцев, но они держатся на уважительной дистанции.

– В это время года во Фриве ты скорее дождешься, когда огонь превратится в лед, чем хорошей погоды, – поясняет Клиона.

– Тем не менее, не думаю, что покупки сейчас уместны. Я скорблю по Киллиану.

– Король сказал моему отцу, что тебе стоит отложить траурные платья, – говорит Клиона, пожимая плечами. – В конце концов, ты на самом деле его не знала, и для Фрива будет лучше, если ты будешь олицетворять светлое будущее, а не трагическое прошлое.

Дафна видит в этом логику, но, как она поняла за время их путешествия на север, из Клионы плохая лгунья. И, как любому плохому лжецу, ей легче обойти правду, чем прямо солгать.

– Почему сегодня, Клиона? – спрашивает она, искоса поглядывая на свою спутницу.

Уши Клионы краснеют, и она откашливается.

– Это все королева, – отвечает она низким голосом, как будто кто-то может подслушать их, хотя кроме гвардейцев, едущих в трех футах впереди и позади них, на улице больше никого нет. – Она была немного... нездорова.

Дафна колеблется, пытаясь решить, каким количеством информации поделиться в надежде получить что-то взамен.

– Она кое-что сказала на днях, когда мы с Байром подписывали новый брачный контракт, – осторожно произносит она. – Что-то о проклятии, которое навлек на них король. Кажется, она винила его в смерти Киллиана. Я не понимаю, как это возможно. Принц Киллиан умер от болезни. Конечно, неизвестной, но я не понимаю, какая в этом может быть вина короля.

Клиона закусывает губу.

– Есть старые байки, но это ерунда, уверяю тебя. Говорят, что Варфоломей попросил помощи у эмпирея во время последней Войны кланов, чтобы захватить Фрив.

Дафна не может не рассмеяться.

– Умоляю, – говорит она. – Даже Найджелусу не удавалось справиться с таким большим желанием, а он величайший эмпирей на континенте.

Брови Клионы приподнимаются.

– Он? Кто сказал?

Дафна открывает рот, чтобы ответить, но быстро закрывает его. Она вспоминает, что все в Бессемии так говорили, но никаких доказательств этому не было. Найджелус просто печально известен. Но ей приходит в голову, что и другой эмпирей может претендовать на этот титул, и никто не сможет доказать, что это ложь.

– Звездная магия во Фриве... более дикая, чем то, к чему ты привыкла, – продолжает Клиона, когда Дафна не отвечает. – На севере, когда над головой переливается северное сияние, сила эмпирея становится неустойчивой. Иногда она становится сильнее, иногда слабее, и это невозможно предсказать.

– Я этого не знала, – признается Дафна, хотя, когда она это говорит, ей приходит в голову, что ей вообще мало что известно об эмпиреях. Она, конечно, знает о звездной пыли и о том, что эмпиреи способны забирать звезды с неба, чтобы создавать более сильные заклинания, но для нее это то же самое, что и море, – она знает, что это такое, но сама никогда его не видела.

– Говорят, тут гораздо больше звездных дождей, чем где-либо еще на континенте, – умудряется вспомнить она, отчаянно пытаясь не выглядеть совсем несведущей.

На мгновение Клиона выглядит задумчивой.

– Это действительно потрясающее зрелище. Возможно, однажды ты сама все увидишь.

Дафна надеется, что нет. Если так холодно на юге Фрива, страшно представить, как ей удастся выжить на севере.

– И звездная пыль, которую они приносят, обычно более мощная, чем все, что ты пробовала. Я видела, как она использовалась для лечения серьезных болезней и заставляла семена укореняться в бесплодной земле. Ее даже использовали для передачи сообщений людям, находящимся за сотни миль.

Это вызывает у Дафны интерес.

– Действительно? – скептически спрашивает она.

Клиона кивает.

– Я никогда такого не видела, только слышала. Говорят, чтобы это сработало, и посланнику, и цели нужно коснуться звезд.

Дафна запоминает эту информацию. Она сама тронута звездами, и ее сестры тоже. Если бы она могла поговорить с ними...

– Значит, это возможно, – говорит она, возвращаясь к обсуждаемой теме. – Правильный эмпирей в правильную ночь, загадав правильное желание на правильную звезду, мог бы захватить Фрив для Варфоломея.

– Это слух, – осторожно напоминает Клиона. – Людям нравится искать оправдание своим неудачам. И если они смогут обвинить женщину, тем лучше. Эмпирея, на которую они возлагают вину, – это женщина. Аурелия. Не знаю, как твой Найджелус, но Аурелия – величайшая эмпирея, о которой я когда-либо слышала, хотя с тех пор, как закончилась война, ее никто не видел.

– За такую сильную магию приходится платить, все зависит от размера желания, – говорит Дафна. – В единственный раз, когда я видела, как Найджелус использовал свою силу в полную мощь, он пожелал, чтобы засуха в Бессемии закончилась. В тот же день пошел дождь, но после этого он не мог встать с постели несколько недель. Желание, достаточно великое, чтобы сделать Варфоломея королем, вполне могло его убить.

Клиона многозначительно смотрит на Дафну.

– Да, звезды взыскивают цену, но, возможно, Аурелия не была той, кто ее заплатил.

Дафна резко вдыхает.

– Ты думаешь, это то, что убило Киллиана? Он же еще даже не родился, даже не был зачат.

Клиона пожимает плечами.

– Но можно сказать, что Варфоломей все равно заплатил цену. Это слух. Королева, кажется, верит в это, и король считает, что будет лучше, если она на несколько недель поедет навестить свою сестру на севере. Он думает, что она легче согласится покинуть дворец, когда там не будет тебя и Байра.

Они останавливаются перед вывеской, гласящей, что это ателье госпожи Наттермор, и двое гвардейцев исчезают внутри, чтобы осмотреть место.

– А где же тогда Байр? – спрашивает Дафна Клиону, пока они ждут. – Я полагаю, что он не ходит по магазинам.

– Нет, он охотится с моим отцом и другими дворянами. Теперь, когда он наследник, ему есть чем заняться, – говорит Клиона.

Гвардейцы появляются снова, один из них кивает, но его взгляд, кажется, больше направлен на Клиону, чем на Дафну.

– Пойдем, – зовет Клиона, таща ее к двери. – Я слышала, они только что получили кружево из Селларии.

В ателье тесно, но оно ярко освещено солнечным светом, пробивающимся через большое панорамное окно, и полдюжиной масляных ламп, установленных на полках и столах, чтобы освещать полоски ткани, покрывающие все доступное пространство. Одни выстроились вдоль стен, другие – в углах, а некоторые даже лежат на единственном мягком диване, с которого на ковер стекает серо-стальной бархат.

Это полная противоположность ателье в Бессемии с их плюшевыми креслами, аккуратно организованными каталогами образцов тканей и энергичными продавщицами с острыми чертами лица, которые могут продать вам новый гардероб или разрушить вашу самооценку всего лишь одним движением руки и несколькими уверенными словами. Дафна с трудом представляет, что сегодня кто-то предложит им шампанское за все время встречи.

Из задней комнаты выходит миниатюрная седая женщина с шерстяной шалью, обернутой вокруг костлявых плеч, с чашкой чая в одной руке и сантиметровой лентой в другой. Когда она видит Клиону и Дафну, ее глаза сужаются.

– Вы опоздали, – говорит она им.

– Прощу прощения, госпожа Наттермор, – извиняется Клиона, опускаясь в нечто, что можно назвать реверансом, хотя у женщины нет титула, а Клиона – дочь герцога.

Госпожа Наттермор почти не смотрит на Клиону, вместо этого обращая свое внимание на Дафну. Но, как только она это делает, Дафна отчаянно желает, чтобы та посмотрела куда-нибудь еще. Ее пристальный взгляд настолько тяжел, что Дафне трудно дышать, хотя она заставляет себя держать спину прямо, а подбородок поднятым. Она принцесса Бессемии, будущая королева Фрива – будущая императрица всего этого континента, – поэтому отказывается тушеваться перед портнихой.

– Итак, – говорит госпожа Наттермор, и за этим единственным слогом покоится тяжесть империи. – Ты наша новая принцесса? Выглядишь так, будто не переживешь и зиму.

Дафна открывает рот, чтобы возразить, но быстро закрывает его, заставляя губы расплзтись в, как она надеется, приятной улыбке:

– Мне нужны новые платья.

– И свадебное платье, – добавляет Клиона.

– У меня есть свадебное платье, – хмурится Дафна. Оно висит в ее гардеробе с самого приезда – темно-зеленый бархат с золотыми цветами из бисера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.